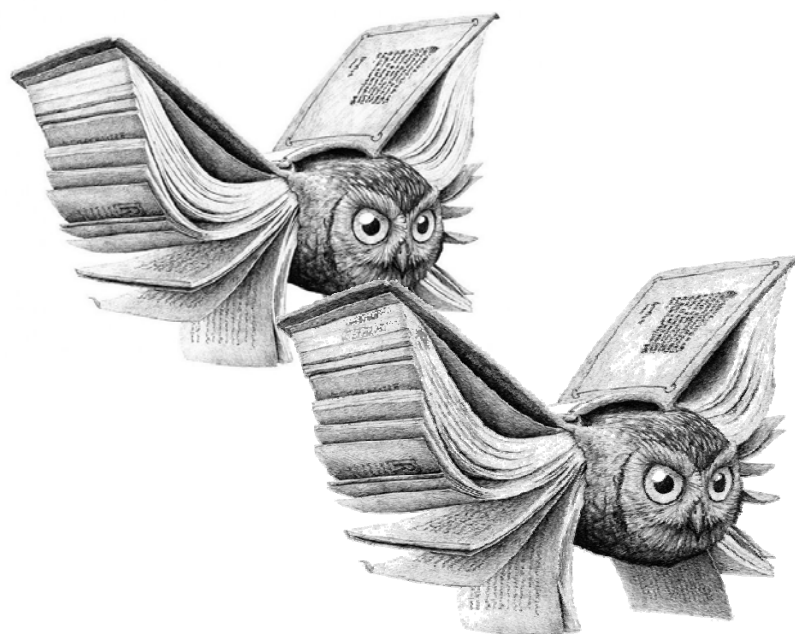

№ 3 (12)' 2018
Сентябрь

СОФИЯПОЛИС

Электронный научный журнал
гуманитарных исследований

Редакционный совет

Арапова Э.Б. – кандидат философских наук, доцент Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики

Бернюкевич Т.В. – доктор философских наук, доцент кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета

Иванова Ю.В. – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна Забайкальского государственного университета

Нестеров А.Ю. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Самарского национально-исследовательского университета им. академика С.П. Королева

Павлов А.В. – доктор философских наук, профессор, Тюмень

Главный редактор

Крылов Д.А. – доктор философских наук, президент Забайкальской гильдии политологов и социологов, руководитель школы "Новые софисты"

Редакционная коллегия

Горковенко А.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Романов И.А. – кандидат филологических наук, декан факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета

Черняк Е.Г. – директор Образовательного центра дополнительного обучения ЧОУ ДПО "ИнтеГРА"

Янков И.В. – кандидат философских наук, независимый исследователь (г. Екатеринбург)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
РАЗДЕЛ I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	7
Крылов Д.А. Дорогой мнимостей в политике: критика инверсий реального	7
Амир Ст-н. Химеры России или опыт описания реванша советской номенклатуры	17
РАЗДЕЛ II. ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ	35
Черняк Е.Г. Кластерный анализ позиций приграничного региона в экономическом пространстве	35
РАЗДЕЛ III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	46
Булгакова С.А. Проблема изучения выражения причинно-следственных отношений в аспекте русского языка как иностранного	46
Игнатьева О.П. О некоторых особенностях субтеста «Говорение» в российском и китайском тестировании на знание русского языка как иностранного	51
Абросимова О.Л. Обучение иностранных студентов по направлению «Филология» (профиль «Прикладная филология») в Забайкальском государственном университете: специфика, проблемы и перспективы	57
Романов И.А. Выявление пушкинских реминисценций в лирике И. Бродского на занятиях с иностранными студентами	64
РАЗДЕЛ IV. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ	72
Павлов А.В. Многомерность провинциализма	72

ОТ РЕДАКТОРА

«Слабо и кустарно», – так довольно ригористично заявлял я прежде, выходя из аудитории от коллег, пытавшихся «пробиться» через массивы черепных коробок студентов. Тусклые глаза нефитов говорили сами за себя. Если в их головах и происходили мыслительные реакции, то шли они по пути их затухания или были направлены на некие иные проблемы. Мои коллеги едва ли были готовы признавать всю бессмысленность процесса обучения и отдавали должное принятым некогда формальным правилам. Их тоже так учили. А Вас?..

Считать, что интеллектуальная деятельность может «спасти» мир – значит поддаться иллюзии самообмана, ожиданию желаемого, но никогда не реализуемому в действительности. Люди в своей массе не любят интеллектуалов, их боятся. Косность в мышлении, как и подозрительность к просвещению делают из них самодовольных невежд. Поэтому и отдается предпочтение неким темным прохвостам, обещающим пересотворить мир или открыть некую страшную тайну, скажем, про рептилоидов среди нас. Поэтому не только пророки и ясновидящие всех мастей вполне сносно ощущают себя и в начале XXI века. Им вторят вдогонку разного рода самозванцы от псевдонаук и политиканствующие престиждитаторы. Средства массовой информации им в услугу тиражируют благую весть о несостоятельности научного познания.

Позволю высказать утверждение о том, что на мракобесие, как и на ограничение свободной рефлексии, существует политический заказ. Людей подталкивают к пассивным формам мировосприятия, убивая в них любопытство и желание разобраться в происходящем. Воля к знанию, как и необходимость постоянного осознания, «убивается» еще в школе. Пустая информация и спам приобретают большее значение в качестве повседневного коммуникативного шума. Последний всегда пытается выступать в личинах рациональности и жизненной необходимости. И в итоге нам постоянно

приходится наблюдать этот самообман, который Ницше охарактеризовал как фальшивое согревание человеческим теплом. Масса времени теряется на бессмысленное пустое общение, где все сопереживания поверхностны и фиктивны.

Увы, «свободных умов» нет, а есть лишь немногие, кто стремится ими стать. Они лишь хотят перестать зависеть от многих ненужных вещей, которыми обставляется человеческое существование. Возможности по переформатированию сознания обывателя в этом направлении весьма скромные и едва ли найдут спрос в наши дни. Связанные умы не желают меняться, так как привыкли жить готовым и не склонны к изменению правил и предписаний. Они даже свободу ждут, а не стремятся к борьбе за нее. Явление спонтанных реакций едва ли стоит рассматривать на предмет осмысленного проявления себя. Доместикация не оставляет места для неконтролируемых выражений самости, хотя и вынуждена считаться с эмоциональными срывами.

Возможные возражения могут быть связаны с пресловутыми консервативными установками всевозможных охранителей традиций. Они люди без цели в будущем, желающие вернуться в избранное прошлое, где многое уже не имеет смысла, но обеспечивает некий порядок вещей. Защита этого недовоплощенного прошлого, осваиваемая на политическом уровне, деформирует настоящее, делая его недовоплощенным в свою очередь. Загоняя сознание в категории прошлого или освящая некие памятные события власть предрержащие культивируют призванные обеспечивать собственную легитимность нарративные образы. Их консерватизм направлен против стран современного мира, которые они обвиняют в упадке нравственности и деградации авторитарных устоев.

Не случайно, что на этом фоне мы наблюдаем рост воинствующего традиционализма. В системе поддержания авторитета власти появляются различные группы ее сторонников, соревнующиеся между собой за «близость к телу» правителя. Они воспроизводят лишь скрепы для сохранения

действующей системы. Сама же система, ориентированная на образы и идеи прошлого, утрачивает подвижность и бронзовеет. Естественно, что такая система нуждается не только в «идейных» охранителях, но и в развитом аппарате по контролю и насилию. Поиски или сотворение врагов, поддерживаемое ущербным мышлением, служат делу возвеличивания системы, тотальной идентичности подобия.

Будущее порождает не только изменения и разнообразие, но и ставит под сомнение монополию на принятие политических решений. Менее всего этому подвержены либеральные политические системы, поддерживающие многообразие. Разумеется, проблемы и своя специфика есть везде, но для авторитарных режимов вывод неутешителен – «полеты» в будущее возможны только на крепостных галерах. Апологеты авторитаризма в России желают лишь еще большего укрепления вертикали власти под эгидой самодержавного правителя. Еще немного и они потребуют прекращения игр в демократию в виде выборов. Тем самым будет завершён период игры в «конкуренцию, открытую для участия» по Р. Далю. Периодически же возникающие разговоры о восстановлении в стране монархии станут однажды свершившимся фактом при полном на то «согласии» народа. Тем самым все вернется на круги своя.

Таким образом, массированная атака на знаниевое общество, предпринятая со стороны новоявленных охотнорядцев и иных приверженцев самобытного пути, указывает на системное движение в сторону аграрного общества и соответствующей ему культуры. Ни о каком постиндустриальном или информационном обществе речи здесь идти не может. Поддерживаемая властью ориентация на традиционный культурный код делает любые изменения бесполезными и неэффективными. Для России важным до сих пор остается сделанное в XIX веке замечание маркиза Астольфа де Кюстина о том, что «характер ли народа создал самодержавие, или же самодержавие создало русский характер». Ответа на эту дилемму он не знал, предлагая просто создать новый народ.

Авторитарная domestikация требует тотального конформизма и отрицает даже минимальные сомнения в своей правоте. Конформисты активно противостоят рефлексизирующему и критически направленному сознанию, желая всеобщего обезличивания и слияния с государством. Такое общество уже не нуждается в свободно мыслящих индивидуальностях, развитии и изменениях, довольствуясь предписанными сверху навыками ремесленника. Поэтому речь здесь может идти только о необходимости все более жесткого контроля за отклонениями в поведении людей и соответствующего ограничения их свободы.

Провластный конформизм поддерживается, с одной стороны, страхом перед наказанием со стороны государства, а с другой стороны, обещанием неких благ за правильное поведение. Наказание даже за некий намек на самовыражение своего мнения – лайк в социальных сетях, не говоря уже о попытках выйти с какими-либо требованиями на улицу, грозное предупреждение власти сторонникам свободомыслия. Такая стратегия обеспечивает некую политическую стабильность, но является фатальной для поиска перспективной модели общественного устройства.

Рефлексизирующему обществу нужны иные формы идентичности, где властные институты играют менее значимую роль, а человек осознанно согласовывает свою жизнедеятельность с адекватными правилами совместного проживания. Сильное государство в духе легистов не нуждается в самостоятельном народе и, соответственно, в способности людей к выработке собственных представлений. Имитируя стремление к инновациям, оно будет искажать их смысл, так как по сути своей неспособно создавать свободные отношения. Свою эффективность государство будет продолжать демонстрировать лишь в сфере военной мощи и проведения масштабных праздников, так как изменения в системе отправления авторитарной власти не происходят по прихоти правителя и его окружения. И это уже банально...

*Главный редактор «Софияполис»
Дмитрий Крылов*

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32

Д.А. Крылов
Забайкальская гильдия
политологов и социологов,
президент,
доктор философских наук
E-mail: dmdak@yandex.ru

Дорогой мнимостей в политике: критика инверсий реального

Аннотация: В статье поднимается вопрос о хронической неспособности общества преодолеть вялотекущую инверсию в России. Периодические побеги к счастью завершаются новым самообманом и еще большим укреплением авторитарной модели управления. Рост материального дискомфорта порождает иллюзии ожидания отложенного на неопределенное время благополучия. В итоге жизнь становится мнимым существованием, где призрачные ожидания оправдывают несостоятельность настоящего и обеспечивающих его институтов. Вымышленные нарративы об особом цивилизационном пути похожи на бесполезный дым, который клубится, но не производит полезного действия.

Ключевые слова: Мнимость, кажущееся, вымышленный нарратив, воображаемое сообщество, переворачивание реальности, банкротство ценностей.

D.A. Krylov
Trans-Baikal association
of political sciences and sociology,
President,
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: dmdak@yandex.ru

Dear imaginary in politics: a critique of inversions of the real

Annotation: The article raises the question of the chronic inability of society to overcome the sluggish inversion in Russia. Periodic shoots fortunately culminate in a new self-deception and even greater strengthening of the authoritarian model of governance. The growth of material discomfort gives rise to illusions of waiting for the well-being postponed for an indefinite time. As a result, life becomes an imaginary existence, where illusive expectations justify the failure of the present

and its supporting institutions. Fictional narratives about a special civilizational path are like useless smoke that swirls, but does not produce useful action.

Keywords: Imaginary, apparent, fictional narrative, imaginary community, turning reality, bankruptcy values.

Начинать, что говорится, с места и в карьер, означает отказ от интриги раскручивания сюжетных линий. Воспитанные на повествовательном нарративе люди, откажутся воспринимать такой текст. Их образ мышления не предполагает чистого знания, да и с научной рефлексией они не стремятся дружить. Восприятие таких людей построено на аналогиях и упрощении. Им ближе и понятнее обыденная предметность. Поверхностность без потребности проникновения в суть предмета или явления, удовлетворенность готовыми объяснениями, напрямую указывает на системный культурный код и соответствующую ему языковую картину. И этот культурный код предопределяет особенности поведения не только народа, но и власть предержащих. Ведь они тоже заложники действующих правил и вынуждено идти по пути отмены мышления, этой основы для поиска рациональных решений.

Так может ли Россия в этом случае уйти от авторитаризма и фантазма о добром правителе или царе? Воображение собственного особого пути, который больше похож на колею, также оказывается неким родовым проклятием. Никто не анализирует ошибки, а продолжают оправдывать собственную несостоятельность происками врагов и недоброжелателей. Так, скажем, сегодня в России воспринимается распад Советского Союза. Мало кто слушает разумные объяснения относительно того, что трагедия свершилась «по плану». Сроки же трагедии в данном случае не столь важны. Вся система действовала не как отлично собранный и смазанный механизм, а на манер пытающейся идти в разные стороны хромой курицы. Организационная неразбериха так никогда и не была преодолена, как сохраняется она и в наши дни.

Власть оказалась неспособной обеспечить наступление лучшего мира и покончить со злом эксплуатации человека человеком или государством. Это привело к тому, что постоянно накапливаемое дискомфортное состояние, как указывает А.С. Ахиейзер, вызвало распад идеала и стимулировало в конечном итоге появление новой массовой инверсии, движения к авторитаризму. Ученый считает, что было налицо проявление вялой инверсии, когда внутренние противоречия приводили к дисбалансу принимаемых властью решений. Внутренний конфликт таких решений проистекал от ошибочной установки на синкретизм.

Приводимый А.С. Ахиейзером пример наглядно показывает такую ситуацию: «Опираясь на третью версию псевдосинкретизма, власть запуталась в своих отношениях с двумя расколотыми частями почвы. В письме заместителя наркома финансов М. Фрумкина руководству страны отмечалось, что деревня переживает процесс деградации, она, за исключением части бедноты, «против нас». Далее Фрумкин показал неспособность власти разрешить противоречия между политикой роста производительных сил в деревне и политикой уравнительности. Он писал: «Мы требуем расширения посевных площадей – крестьяне расширяют их, а тогда мы их записываем в кулаки! Мы требуем расширения товарооборота — люди открывают мелкие ларьки, а мы их записываем в спекулянты! Мы требуем поднятия промышленности – и люди открывают сапожные мастерские, а мы их записываем в нэпманы! Мы требуем советской демократии – люди указывают нам на нашу антидемократичность, а мы их сажаем в ГПУ». Вся система действий власти превращалась в трагическую цепь хромающих решений. Власть металась между двумя исключаящими и разрушающими друг друга политическими линиями. С одной стороны, она пыталась сохранять условия для поддержания производства на сложившемся уровне, для его роста. С другой стороны, она сдерживала рост расслоения, имущественного неравенства, угрожающий массовым дискомфортным состоянием, неконтролируемыми социальными процессами» [2, с. 484-485].

В контексте оценки инверсии мы продолжаем наблюдать воспроизводство раскола, который В. Паперный представил как периодическую смену культуры 1 культурой 2 в России XX столетия. Эти образы сам мыслитель считает некими искусственными образами, призванными описать события русской истории, циклические процессы растекания и затвердевания. Периодически возникающие «окна возможностей» существуют непродолжительное время. У В. Паперного культура 2 становится всем, наследницей всего, «всех традиций и итогом *всех* путей» [5, с. 49]. Поэтому и любые изменения как бы отменяются, подчиняясь текущим деяниям по завершению мировой истории. Формируется вымышленный нарратив о вселенской миссии отдельно взятой страны и ее народа. В случае же вырождения культуры 2, как нам представляется, мы начинаем иметь дело с симулякрами этого нарратива как парадигмы вечности. Здесь время течет вспять даже в эпоху реформ.

Парадоксом здесь оказывается то, что речь идет об образах, рожденных иной культурой и историей иного народа, как, скажем та же идея Рима. Впрочем, именно Рим здесь иной – он безжизненный и декоративный. Все действия подчиняются отправлению культа и соблюдению ритуала. Поэтому едва ли можно согласиться с мнением А. Янова о том, что в России никогда не было по-настоящему деспотии, подобно той, которая была в Китае или Турции: «Сколько я знаю, в русской историографии еще не было попыток специальной верификации распространенного утверждения, что Россия когда-либо принадлежала к семейству деспотических империй, будь то в его монгольской ипостаси, как уверен был Карл Виттфогель, или византийской, как полагал Арнольд Тойнби, или эллинистической, как думает Ричард Пайпс» [9].

Свои рассуждения историк обосновывает тем, что для деспотии характерна абсолютная власть правителя над землей, которая фактически исключала частную собственность и, чего не было в истории России. Вместе с тем, деспотия характеризуется как неограниченная власть правителя над

своими подданными. Не случайно, что Иоанн IV Грозный даже именитых подданных считал холопами, которых он волен одаривать или казнить. С институтом частной собственности и священным ее правом на Западе российское самовластие считаться не собирается и в наши дни. И ставшее почти «вечным» крепостное право служит все тем же целям подавления любых свобод.

Прорубивший «окно в Европу» Петр I был тщеславным и самовластным тираном, законы которого писались, как указывал еще А.С. Пушкин, то с мудростью и с расчетом на вечность, то кнутом нетерпеливого и властного помещика [6, с. 413]. Все, в том числе, и знатные бояре и дворянство, должны были служить царю и исполнять его волю. Постоянные же войны, призванные прославить правителя, вели лишь к истреблению собственного населения. Но, все это можно при желании списать на то, что эпоха была такая и по другому реформы в России проводить не получалось. И чтобы не писалось про умозрительность оценок численности населения, не стоит идти на воду у политической конъюнктуры.

Возразим дотошным как бы патриотам. Полагаем вполне достоверными рассуждения историка русской культуры П. Милюкова, который указывал на результаты подворной переписи 1710 г.: «... вместо ожидаемого за треть века увеличения населения, ему пришлось констатировать огромную убыль. Оказалось, что во всей России убыла пятая часть дворов, а в отдельных местностях, именно на всем севере, убыль доходила до 40%» [4, с. 532].

Процессы вестернизации пошли только за счет изменения политического фасада. В стране начиналась эпоха «просвещенной тирании» и это ровным счетом ничего не значило в контексте воспроизводства авторитарного самовластия или самодержавия.

Мнимость реформ или преобразований видна, когда начинаешь оценивать не дворцовую роскошь и помпезность приемов, не значимость военных и иных реляций о победах, а положение масс, принуждаемых обеспечивать благосостояние немногих. Отложенное благополучие

порождало соответствующие мифы и сказки о добром царе и недобрых боярах. Да и с понятием добра в российской традиции, как считает М. Эпштейн, как-то не сложилось. Здесь добро нуждается помощи все того же зла: «Русская литература, даже проповедуя добро, не верит в его силу, в его способность переделать мир. Зло оказывается более могущественным, необоримым – и вынуждает добро либо к трагической капитуляции, побеждая его, либо к иронической капитуляции, заставляя заручиться своей поддержкой» [7].

Таким образом, царь, наказывающий своих погрязших во зле и неправде приближенных, оказывается необходимым и помогающим добру злом. Здесь налицо извращение или переворачивание смысла и реальности. Ведь известно еще с издревле, что «каков царь, таков и псарь» и если первый жалуется, то от второго добра не дождешься. Будучи как бы естественным препятствием на пути к благу, злые бояре или слуги принимают на себя недовольство подданных. Естественно, что речь идет именно о модели «правитель – подданные», а не о системе «руководитель – граждане». Ведь в этом случае люди становятся собственностью владыки, принимающего решения по своему усмотрению. Произвол же своих слуг он рассматривает в контексте избыточного усердия, которое всегда лучше, чем вялое лакейство.

Беспощадные слуги, от опричников Ивана Грозного, до сотрудников НКВД Иосифа Сталина или более поздних их аналогов, наводили страх на обывателей, глубоко веривших в мудрость тиранов или в их абсолютную деспотическую вседозволенность. Особенности тирании были показаны еще Аристотелем в его «Политике». Сама система управления представлена философом как достижение трех целей: вселение малодушия в своих подданных; внушение недоверия граждан друг другу и поощрение доносов; лишение людей политической энергии и способности к действиям [1, с. 561-562].

Среди способов реализации тирании мыслитель выделял направленную политику по устранению выдающихся и свободно мыслящих людей, жесткий

контроль за образованием, внешний надзор за гражданами и их деятельностью, возбуждение постоянной вражды и периодическое разорение граждан. Особое место занимают постоянно проводимые войны, повышающие статус тирана и снимающие проблему размышления подданных о смысле происходящего. Не это ли нам приходится наблюдать в российской истории, как повторяющиеся с завидным постоянством действия правителей?

Тем самым, можно вполне оставить в покое описание двух начал, монгольского и византийского, повлиявших на историю Российской государственности. Деспотический тип власти был исключительно связан с особенностями оформления авторитарной культуры, где царем или самовластным правителем с определенной периодичностью оказывался тиран.

Тиран способен только к имитации цивилизованных начал по отправлению власти. Он действует на манер трикстера, когда под внешней благообразностью начинают проглядывать черты разрушителя. Отношение к закону у такого рода правителя избирательное и он с презрением относится к своим подданным, принуждая их безропотно сносить произвол. Часто по этому поводу он прибегает к морализаторству и юродствует, говоря о своей незавидной доле. Параллельно проникновению и оформлению культа тирана-трикстера в общественно-политическое устройство растет и значение мракобесия. Вместо развития общество начинает погружаться в культ мифологизируемого прошлого, призванного обеспечить легитимность правителя. Периодически делаемые реверансы в сторону более цивилизованных стран мгновенно сменяются потрясением кулаками и обвинениями этих же стран во враждебности и неспособности принять культуртрегерство тирана. Ведь ему нужен весь мир, а не отдельно взятая страна. Так под видом утверждения современности разрушается современность.

Поддержка ожиданий отложенного на неопределенное время благополучия носит фоновый характер. На первое место ставится фигура

правителя, принявшего на себя миссию кормчего корабля. При этом совершенно не объясняется, почему достижение цели должно происходить в ледяных торосах. По-сути, будущее оказывается в таких условиях миражом, линией над горизонтом. Все погружается в переживание текущего момента. И само это переживание едва ли следует считать осознанным, оно фрагментарно и бессистемно, постоянно соскальзывающее в область иррациональных установок. Действительность становится мнимой, где все более или менее значительное и имеющее смысл табуируется сверху вниз авторитарными предписаниями. В итоге, как писал М. Мамардашвили, говоря об удушении действительности внешними формами предписываемого языка, мы перестаем узнавать себя. И на поставленный вопрос о том, есть ли в России действительность, он отвечал категорическим отказом: «Так вот, я утверждаю: судя по тому, что я вижу сквозь эту морализаторскую кашу, душашую любую мысль, этой действительности нет, реальность просто отменили, испарили ее» [3, с. 171].

Философ понял суть тоталитарной машины власти, деяний этих «инопланетян» или «монголов», которые оккупировали и выжгли «пространство страны словами "план", "морально-политическое единство народа" и тому подобными прелестями, инсценирующими какое-то ритуальное действие вместо реального действия и жизни» [3, с. 170].

Мыслить шаблонно или стандартно, отрицая саму необходимость рефлексии, поклоняться мертвым формам и бетонным основаниям, восхищаться собственным величием и прозябать в убожестве, – все это порождение пустого и самодовольного ума. Индивидуальные переживания здесь не причем и ими можно пренебречь. Это и есть пустота падшего, чей мир оказывается похожим на дым, который не несет тепла, но зато ест глаза. Не случайно М. Эпштейн обнаружил гипертрофированную связь между жизнью и культом смерти, точнее, прославлением смерти как обязанности умереть во имя государства и властей. Смерть здесь должна быть осмысленной и «государство обеспечивает своим гражданам равно

достойную смерть, обязуясь донести до их сознания, за что они умирают» [8, с. 52].

Культ Танатоса преследует мир живого, как постоянное требование транзакции, где каждое тело обязано упокоиться в могиле. Посмертное же существование должно быть санкционировано свыше теми, кто и определяет цели послежития. Тем самым, отменяется любая попытка самостоятельного пребывания в мире вне системы фатальной мифологии. Ведь именно здесь и можно обнаружить скрытую мотивацию ложных нарративов, призванных уменьшить значение собственной жизни для индивидуума. Здесь же обнаруживается и некое освящаемое право правителя не только на территорию, но и на жизнь своих подданных.

Более того, отметим, что и сам правитель отождествляется в массовом сознании с указанными принципами. Готовность к самототалитаризму присутствует в качестве постоянной установки на инверсию существующего, где если и происходят изменения, то крайне медленно. Причины этого, можно предположить, лежат в крайне низком интеллектуальном горизонте и высоком, но бедном в своих проявлениях, эмоциональном горизонте. Наличие бинарной оппозиции в нашем случае оказывается единственным способом понимания и оценки происходящего. За этими рамками общественное сознание не работает или слабо реагирует на более сложные явления.

Синкретизм идей из прошлого напоминает коллекцию пропахших нафталином и побитых молью чучел. Здесь нет и не может быть активной жизни и здесь нет места для медиации, возможности осмысления и самоанализа, преодоления дуальной оппозиции. Тем временем раскол между опережающим развитием в мире и стагнацией в стране продолжает расти. Всячески лелеемое оправдание ссылкой на ментальность и историю обрекает живущих на прозябание и грядущее забвение. Ведь меняться здесь никто не собирается, уповая на то, что народы живут долго и никуда не спешат. Накладывается эта позиция и на соответствующий нарратив-проклятия об

исключительной протяженности российского пространства. Ведь большая часть этих пространств пустынна и не освоена, а от полезных ископаемых из недр земли и леса избавляются как от чего-то абсолютно ненужного.

Этот исходный провинциализм с претензией на цивилизационную исключительность опирается на культивируемую сервильность и вечную жертвенность, обрекает на жизнь в тупике без перспективы начать движение за пределы собственной архаичной этатистско-социальной модели бытия. Возвращаясь к работе В. Паперного «Культура два», признаем, что культура застывания является исходной для российского сознания и оно обречено на пребывание в ней раз за разом. Ведь переживания об утраченном бытии, жажда возвращения недовершенно или несвершившегося, жизнь «отработками» истории, здесь имеют большее значение, чем интеллектуальные прорывы в будущее.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
2. Ахиейзер А.С. Россия: Критика исторического опыта: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Том I. 804 с.
3. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
4. Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1905. 678 с.
5. Паперный В. Культура два. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 416 с.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР. Том IX. 598 с.
7. Эпштейн М. О бессилии добра в русской литературе // Facebook / URL: <https://www.facebook.com/mikhail.epstein/posts/10156835033237722> (дата обращения: 30.09.18).
8. Эпштейн М.Н. Великая Сось. Самара: Издательский Дом «БАРХАРМ», 2006. 272 с.
9. Янов А. Спор о «вечном» самодержавии: От Грозного до Путина // Сноб / URL: <https://snob.ru/profile/11778/blog/141362> (дата обращения: 02.09.18).

Химеры России или опыт описания реванша советской номенклатуры

Аннотация: В статье автор предпринимает попытку описания современного состояния российской государственности и общества. Направленность на воспроизводство системы власти, ее прежних образцов, тормозит любое минимальное развитие. Система обречена на повторение и подобие, циклическую замкнутость в круге «вечного возвращения» на себя. При этом всячески игнорируется изменение условий существования. Отказ от совершенствования, объявление консерватизма великой ценностью, как и возвеличивание прошлых успехов, служит самомистификации правящих групп и оправданием их неизменности. Автор считает, что советская номенклатура является продолжением прежней системы организации власти, которая создавалась как форма деспотии с иерархией из подвластных правителю подданных. Это привело к тому, что в России подлинной элиты никогда не было. Сегодня мы наблюдаем воспроизводство такой системы под названием «вертикаль власти».

Ключевые слова: номенклатура, бюрократия, химера, политогенез, воспроизводство системы власти.

Amir St-n,
independent researcher
e-mail: amirst-n@mail.ru

The Chimera of Russia or the experience of the description of the revenge of the Soviet nomenclatura

Annotation: In the article the author attempts to describe the current state of the Russian state and society. Focus on reproduction system of government, its the old models, hinders any minimum development. The system is doomed to repetition and similarity, cyclic isolation in a circle of "eternal return" on itself. At the same time, any change in the conditions of existence is ignored. The rejection of perfection, the Declaration of conservatism as a great value, as well as the glorification of past successes, serves as a self-justification of the ruling groups and their immutability. The author believes that the Soviet nomenclature is a continuation of the former system of organization of power, which was created as a form of despotism with a hierarchy of subjects subject to the ruler. This led to the

fact that in Russia there was never a true elite. Today we are witnessing the reproduction of such a system called the "vertical of power".

Keywords: nomenclature, bureaucracy, Chimera, political Genesis, reproduction of the system of power.

К созданию Вольного института проблем Химеростана

1. Конец и вновь начало

1991 год ознаменовался распадом некогда могущественной политической системы – Советской империи. Была ли это «Империя зла» или протосистема грядущего всеобщего счастья уже не имеет принципиального значения. В момент ее крушения не нашлось достаточного числа сторонников, в том числе и из рассуждающих теперь об исторической трагедии, чтобы защитить детище Великой Октябрьской социалистической революции.

Сегодняшняя ностальгия связана с воспоминанием о «Великих временах» и неудовлетворенностью настоящим. Адепты эскапизма множатся на фоне роста житейских проблем. Здесь можно говорить о психологическом дискомфорте людей, стремящихся жить в эпоху предсказуемой определенности. Впрочем, можно говорить и о своеобразном повороте сознания, связанном с особой ролью исторического наследия, которое оно играет в архаических земледельческих сообществах, выполняя важную роль для идентичности и преемственности.

Об этом, в частности, пишет Дэвид Лоуэнталь: «Так, мы оплакиваем миры, о которых доподлинно известно, что они утрачены безвозвратно, хотя при этом ощущаются ярче, четче и реальнее, чем темное и двусмысленное настоящее. Мы тоскуем по обладающему глубокими корнями наследию, которое увенчивает ничтожное настоящее отзвуками деяний предков, хотя при этом обременяет нас реликтами и устаревшими обычаями. Мы смотрим

на произошедшее как на нечто неизменное (сам Бог не в силах изменить прошлое) и цепляемся за стоящую вне времени традицию, хотя сами же преобразовали унаследованное в соответствии с текущими потребностями. Ценим наследие как «аутентичную» историю, мы ослепляем себя его предвзятыми мнениями. Нас привлекает наследие как всеобщее право и неизменно полезную вещь, но при этом мы презираем и преуменьшаем наследие, которые отличаются от нашего собственного или же соперничают с ним. Мы признаем неприкосновенность и святость наследия, хотя вырываем его из контекста и фальсифицируем его смысл» [11, с. 8].

Обреченность на переживание прошлого проистекает из социокультурной и политической системы, где все воспитание направлено на максимальное подчинение индивидуума. С самим описанием прошлого происходят необратимые процессы энтропийного упрощения и мифологизации, ведущие к росту пассивности масс. Довольствуясь на уровне дорефлексивного сознания описаниями прошлого, люди живут ожиданиями возвращения прежних времен. В определенной мере это напоминает культ карго, направленный на ожидание социально-экономического благополучия. Ведь если на развращенном Западе материальная культура обеспечивает благополучие не только правителей, их приближенных и ближнего окружения, то и в России с ее духовными устремлениями не сегодня, так завтра, наступит процветание. Для этого достаточно использовать заимствованные на Западе понятия и названия для институтов власти, процедур и общественного устройства. Вариантом для такого рода имитации или симулякра стала, в частности, «управляемая демократия». Родом потемкинских деревень можно считать и объявленное в стране существующим «гражданское общество» или свободных рыночных отношениях.

Возможен и вариант «обратного карго-культа», связанный с критикой заимствованных представлений, которые почему-то не работают и не приносят заветных благ. Понятно, что имитация по определению не может

работать. Идею эту высказала политолог Екатерина Шульман. В сходном формате рассуждает Юрий Кирпичёв, предлагая говорить об «инверсном карго-культе», когда «не в силах подняться до высот современной цивилизации, Россия стремиться опустить мировой уровень до своего. Кое-что удастся, но конечный итог будет явно не в ее пользу» [8].

Показательно, что прodelываются эти метаморфозы с заимствованиями не в первый раз. Если оставить в покое мифологическое призвание варягов на княжение и установление ими порядка сбора дани для фактически чужого народа, то в истории Руси-России, зависимость от внешних заимствованных форм правления прослеживается довольно четко. В какой мере, жесткой или более мягкой, происходило такое огосударствление местных племен и народов, особого значения не имеет. «Принимаемое» как бы подавляло или консервировало архаическое начало и традиции через внешние формы утверждения институтов власти. От идеи «Москва – Третий Рим» и объявления Московии Российской империей, до Третьего Интернационала и современной России мы не найдем особых отличий.

Игорь Бунич образно описал ситуацию особого пути России, как противостояние власти и народа: «Гибло государство, гибли правители, миллионами истреблялось население, а ПЯТИСОТЛЕТНЯЯ ВОЙНА продолжалась, не утихая практически ни на день. Когда правительство уставало держать народ “согнутым в бараний рог” и пыталось перевести дух, оно немедленно гибло, а пришедшие ему на смену, иногда подчиняясь исключительному инстинкту самосохранения, снова принимало меры, чтобы население не думало ни о чем, кроме проблемы физического выживания»¹ [2, с. 5 – 6].

Противостояние внешней по отношению к народу власти порождало странную связь между репрессивными институтами и архаической общинностью. Здесь можно легко обнаружить постоянное включение

---

¹ Показательно, что данная книга И.Л. Бунича доступна только в бумажном виде и отсутствует в Internet.

механизма когнитивного искажения реальности. Вера в мифы и сказочные нарративы поддерживает жизнеспособность такого симбиоза. Ведь исходным образом российского мира является расколотовое общество, где снизу превалирует архаическая власть тьмы, а сверху царит тьма власти. И там и здесь обнаруживается одинаковое неприятие рефлексиирующего сознания.

И мы лишь отчасти можем согласиться с рассуждениями А. Ахиезера о том, что раскол в России был сформирован конфликтом между традиционализмом и либерализмом [1, с. 770]. Раскол был сформирован как некое изначальное противопоставление авторитарного правителя и его ближайшего окружения остальной части населения, вечевой соборности. Рождение деспотии царского, а позднее, имперского типа, лишь подвело черту под этим процессом. Оформление крепостного права едва ли можно считать заботой о народе и его процветании. Уничижительное именование себя холопами московской знатью при обращении к Ивану III, как, впрочем, и самого великого князя по отношению к владыке из Большой Орды [6, с. 214].

Иван IV Грозный по описанию одного из иностранных наблюдателей Альберта Шлихтинга, целенаправленно уничтожал ближайшее окружение из знати: «После взятия Полоцка, как это обычно бывает в счастливую пору, тиран обнаглел от удач судьбы и начал замышлять, как ему уничтожить своих приближенных, а особенно тех из них, кто отличался знатностью и древностью рода. Он считал таких лиц себе врагами за то, что они часто советовали ему править, как подобает справедливому государю, не жаждать в такой степени христианской крови, воздерживаться от несправедливых и недозволенных войн, а довольствуясь своими владениями, жить жизнью, достойною христианского государя; если же он хотел быть благородным и великодушным и стремился к войне, то должен был обратить свои замыслы и оружие против врагов креста Христова, татар и турок, которые, как он видел, часто опустошали соседнюю с ними Московию. Считая эти ненавистные советы за противные своим намерениям и подозрительные, он, обезумев от дерзости и задыхаясь от давно уже задуманного злодеяния, пользуется

следующими уловками и коварствами при гибели великих и знаменитых древностью рода мужей, чтобы проявлять по своему произволу свое тиранство» [16].

Странно рассуждает А.А. Горский, когда пишет о том, что самоуничужения знати в именовании себя холопами не было, так как речь шла о переносе действовавших правил в Орде на московских великих князей и их подданных: «Ведь кого прежде (да и в современных эпохе Ивана III государствах наследниках Орды) именовали «холопами» ханов «царей»? Князей. Следовательно, те, кто именовался «холопами» царя московского, тем самым приравнивались к князьям» [6, с. 221-222].

Речь и тогда, и позднее шла о системном и неограниченном политическом господстве самовластных правителей над своими подданными. Определенным завершением рассматриваемого нами процесса стало закрепощение податного населения и требование обращения к царю как «раба» его Величества при Петре I. Сословная принадлежность никакого значения при этом не имела. И лишь при Екатерине II это правило было отменено [6, с. 211]. Дворянство получило некоторое послабление в своем статусе, но вынуждено было продолжать жить в соответствии не со своей знатностью, а местоположения в Табели о рангах.

Служилое дворянство стало основой для инструментального оформления политических институтов и в дальнейшем лишь дополнялось выходцами из других сословий. Так оформлялась общая иерархия, целиком и полностью зависящая от воли монарха, а позднее и его приемников, генеральных секретарей или президентов. Власть получила характер владения, когда права на собственность легитимировались принадлежностью к окружению правителя, а не достижениями предков или собственных заслуг.

Может быть, поэтому актуальными продолжают оставаться рассуждения маркиза де Кюстина о России как о стране погрязшей сверху и донизу в рабстве, где нет даже намека на собственное достоинство: «... единственные неподдельные чувства, живущие в груди людей при

самодержавном правлении, – это страх и подобострастие у низших сословий, гордыня и лицемерное великодушие – у высших» [10, с. 170].

Хотя, отметим, и в последующее время ситуация не менялась. Так, М.Е. Салтыков-Щедрин писал об этом факте: «Итак, оказывается, что, несмотря на вековое существование, масса успела воспитать в себе только раболепное тяготение к силе да еще бессознательно равнодушное отношение не только к общим интересам, но даже и к тем, которые ближайшим образом затрагивают ее собственную жизнь. <...> Мы не имеем основания считать себя обеспеченными от неожиданностей, покуда эти неожиданности будут иметь в массах свои добровольные и всегда готовые к услугам орудия. Чтò можем мы сделать с нашим бедным одиночным сознанием, когда вокруг нас кишит ликующая бессознательность?» [13, с. 253, 254].

Отношение к людям как некому ресурсу и собственности не предполагало их самостоятельности и в древности, и в наши дни, когда сохраняется установка на сильную авторитарную власть. Естественно, что при таком отношении к народу нужен только аппарат для принуждения, контроля и надзора за ресурсами. И в этом существенное отличие российской бюрократии, целью которой никогда не было эффективное и компетентностное управление процессами. Ее призванием было служение интересам трона и неизменности государственных форм. Люди же здесь рассматриваются как необходимый, но второстепенный и возобновляемый ресурс, подневольные рабы. И крайне опасно обретение такими рабами собственности и осознанной свободы. Как рассуждает протоиерей Алексей Чаплин: «Главная проблема современного Православия и, собственно говоря, России (потому что России нет без Православия) – это то, что мы разучились быть рабами. Христианство – это религия сознательного и добровольного рабства. Рабская психология – это не какой-то скрытый подтекст, а норма мироощущения для православного христианина. Всё современное общество поклоняется идолу социальных прав и свобод. И только Православная Церковь упорно утверждает, что человек – это бесправный раб Божий. <...>

Потому что в христианской Традиции раб Божий – значит раб Царя, раб Государства (от слова Государь), раб судьи, раб своего начальника, раб чиновника, раб полицейского» [15].

Тем временем, стоит напомнить, мы живем уже в начале XXI века.

2. Кто правит в России?

Некогда император Николай I высказался, что «Россией правят столоначальники». Как человек, которому нравился армейский порядок, он недолюбливал штатских, но отказаться от услуг чиновников он не мог. Не смог он и переформатировать систему управления, ориентированную на податные отношения и сохранение системы господства. Приобщенные к властной вертикали чиновники стали отождествлять себя с самой властью.

Классиком жанра рассмотрения ценностного значения бюрократии является М. Вебер, определившим ее в качестве рациональной организации по управлению. Вместе с тем немецкий мыслитель выделял не только рациональную, но и патримониальную бюрократию, которую считал не эффективной, относящейся к архаическим формам организации власти. Основой для этого типа бюрократии служит приоритет военного начала и личная преданность или лояльность правителю. Традиции здесь играют не менее важную роль, но уступают в приоритетности вышеназванным формам социальной организации.

Свою должность чиновник в такой системе рассматривает как личную привилегию, право на кормление и игнорирование, точнее, особое прочтение правовых норм. Ведь законы и запреты издавались в первую очередь для подданных, а не в качестве неких общепринятых правил. Тем самым, самодержавие получало свое отражение в самовластии и произволе на всех ступенях управления. Даже если это и раздражало правителей, то только тогда и там, где самоуправство перехлестывало значение тирана в качестве единственного носителя всей полноты власти. Ведь требование повиновения,

как говорится, никто не отменял, а в исполнении ритуалов восхваления правителя равных чиновникам еще надо было поискать.

Включенность в систему с целями карьерного роста и достижения высших статусных степеней делали из чиновников благодарных подданных. Даже если перед ними и были исходные ценностно-рациональные цели, то в существующем бардаке авторитаризма ценнее был психоз и рвение перед очами начальства. Ведь подчиненный, согласно одного из приписываемых Петру I указов, «перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, чтобы умом своим не смущать начальства». Принимаемые правила выражения лояльности и раболепия должны подчеркивать значение высшего начальства по факту его существования. Подчинение и ритуал приобретают в таком образцовом авторитарном государстве оторванное от целей самодостаточное явление. Вместе с тем и сама включенность в сообщество управляющих имеет условный характер, обеспечивающий принадлежность к властному телу, но исчезающим в случае отставки чиновника.

Временность власти и отложенная отчужденность делают из чиновника лицемера и циника, использующего преимущества своего положения для обеспечения личных выгод. Но списывать на издержки системы, полагаем, не стоит, так как данное поведение как раз и порождено системой авторитаризма. Растяжение пресловутой сети власти является следствием стремления к тотальному контролю за подданными. И здесь скрывается корень расхождения между постулируемым и реально существующим. Задача постоянного давления на подданных с целью воспрепятствования формирования самостоятельной элиты, оппозиции и самостоятельного выбора жизненных целей, не соответствует представлениям о всеобщем благе и всеблагом правителе.

Потребность в изменениях подталкивает систему к неким преобразованиям, но, по сути, это приводит лишь к хаотическим инициативам чиновников, способным только усложнять жизнь людей. Так, по

описанию А.И. Герцена в «Былое и думы», нам «пришлось быть соприкосновенными во всех ухудшениях и ограничиваться ненужными нововведениями – переменами форм, названий. Всякий начальник у нас считает высшей обязанностью нет-нет да и представить какой-нибудь проект, изменение, обыкновенно к худшему, но иногда просто безразличное» [5, с. 305].

Бюрократия доминирует над обществом и защищается от любой формы изменяющей ее особое положение. Эта установка совпадает со стремлениями к деспотическому единовластию, способствуя росту окультуренного абсолютизма вплоть до его тоталитарности. Самодержец здесь уже как бы удаляется от всего без исключения народа и сословий и в этом удалении он обретает значение всеобщего отца. Доступ же к его телу отныне возможен только через чиновников, этих жрецов власти. Этот институт посредников с делегированными полномочиями целенаправленно служит целям отчуждения подданных от политической власти и постоянного контроля за их возможной экономической самостоятельностью. Ими же формируется соответствующее идолопоклонство и фетишизация правителя, выступающего формой легитимизации для их собственной власти. В итоге происходит своеобразный перенос власти и, как подчеркивает П. Бурдьё, мы имеем дело с актом делегирования «с помощью которого группа образует самое себя, обретая совокупность присущих группам элементов, а именно: постоянное помещение, освобожденных работников, бюро, понимаемое в самых различных смыслах и прежде всего в смысле бюрократической формы организации с печатью, штампами, подписями, передачей права подписи, штемпелями и т.п.» [3, с. 236-237].

Чиновники, действующие в качестве господствующего слоя общества, могут быть сравнимы с особым этносом. Не будучи элитой или рациональной бюрократией в европейском их прочтении, этнос российских управленцев всегда имитировал внешние или фасадные формы деятельности, но с поправкой на архаическую ментальность. Не будучи сторонниками

цивилизационного развития они раз за разом проваливают любые реформы, которые меняют суть системы авторитарной власти. Ведь химера может существовать лишь в условиях сохранения механизмов ее воспроизводства. Данный этнос как некое коллективное тело, закрепившее свое существование на уровне власти и языка, живет практически не меняясь и лишь поглощая всевозможные ресурсы. Рано или поздно эти ресурсы должны исчерпаться и тогда жизненный цикл организации или государства подойдет к своему завершению. Ведь бюрократия не способна умерить свои аппетиты и воспроизводством ресурсов она не занимается.

Консерватизм власти в России опирается на сохранение податной культуры и подавление любого намека на консолидированный отпор. Поэтому сбор податей или налогов, в современном прочтении, на нужды правителя и его государства и требовал наличия соответствующего бюрократического аппарата. Ведь власть в России это всегда господство и в этом тезисе сконцентрирована вся суть постоянно воспроизводимой деспотии. Не случайно, что уже в советское время бюрократия обрела свое подлинное качество, став номенклатурой. Как пишет М. Восленский: «Класс номенклатуры установил свою безраздельную монополию на решение не только всех сколько-нибудь существенных, но даже многих несущественных вопросов в стране» [4, с. 120].

Именно представители номенклатуры были правящим классом советского общества. Они создали общественно-государственный строй под себя. И хотя М. Восленский считает номенклатуру детищем И. Сталина, переформатировавшего ленинскую гвардию революционеров-пассионариев, корни ее происхождения лежат в особенностях авторитарного режима в России. Здесь мы имеем систему организации власти по приведению населения к покорности и организации раболепия или лояльности. Обещание особого пути и грядущих благ, наличие грозных врагов и рассказов об их мерзостности, борьба с пятой колонной и свободомыслием, утверждение

особой духовности, – составили идейный багаж по принуждению народа к внутренней идентичности.

Будучи искусственным этносом номенклатура ничего не созидает, а вся ее деятельность сводится к обеспечению постоянного притока ценностей и поглощению ресурсов. Она не зависит от исходных этносов, которые рассматривает в качестве того же объекта притока ценностей. Это обобщенное податное население, призванное служить кормлению гибрида. И по этой причине, скажем, невозможно изжить коррупцию в эшелонах власти. Благодаря номенклатуре производится и отрицательная селекция в обществе с целью недопущения появления пассионариев или их возможной доместикации.

Подчеркнем здесь, что теоретические построения Л.Н. Гумилева вполне подходят для описания номенклатуры как искусственного этноса. Что же касается продолжительности жизни этноса, то такой однозначности мы не видим. Даже революции или внешние завоевания не являются залогом для искоренения антисистем. Ведь антисистемы не только отличаются негативным мировосприятием, они его распространяют на подчиненные им народы, формируя отрицательное отношение к жизни как таковой. Низкая ценность человеческой жизни, жертвоприношения и культ смерти выступают в качестве ценностных приоритетов. Систематическое истребление своих подданных едва ли можно списать на стечение обстоятельств и допущенные ошибки. Ярko представил эту ситуацию с утверждением ценности Танатоса уже в наши дни М. Эпштейн: «...в последнее время танатализация идет по нарастающей: с каждым Днем победы все отчетливее его превращение в праздник смерти, праздник воинства, отдающего свою жизнь за то, чтобы потомки, в свою очередь, могли отдать жизнь за то же самое, за "верность заветам". Ради чего? Смерть ради смерти? Если в советское время прославлялся бой "ради жизни на земле", то сейчас война начинает выступать как самоцель, а смерть – как праздник души» [17].

Речь здесь идет об антисистеме, существующей благодаря постоянно возбуждаемой ненависти к окружающему миру. Повиниться перед теми же репрессированными власть не может, так как тогда ей придется извиниться перед собственным народом. А перед ресурсом не принято этого делать. Его используют для своих целей, ну хотя бы для получения того же прибавочного продукта, который должен обеспечивать жизненные потребности номенклатуры и обслуживающих их бюрократических и силовых структур. На эту особенность советской номенклатуры и указал М. Восленский: «Получатель и бесконтрольный обладатель прибавочной стоимости при реальном социализме – класс номенклатуры и только он один» [4, с. 192]. Оказывается, что и эксплуататорским классом в советское время стала именно номенклатура, принуждавшая трудящихся к обязательному труду.

Не будучи эффективным классом управленцев, номенклатура полусознательно ограничивала возможную внутреннюю конкуренцию, допуская неэффективность экономических решений и низкую рентабельность предприятий. Целью для нее, сошлемся на М. Восленского, оставалась власть и производство того, что ей для этого было необходимо, того же оружия [4, с. 196]. Становится понятным, что существовавший дефицит товаров народного потребления, а заодно и продуктов питания, были издержками именно самовластия правителей страны Советов. Что, впрочем, не исключало и здравых рассуждений со стороны их вождей. Так, И. Сталин в заметках «Об ошибках т. Ярошенко Л.Д.» писал: «Тов. Ярошенко забывает, что люди производят не для производства, а для удовлетворения своих потребностей. Он забывает, что производство, оторванное от удовлетворения потребностей общества, хиреет и гибнет» [4, с. 197].

Тем не менее, инерция, как и отсутствие политической и экономической конкуренции, продолжали играть свою негативную роль, превращая номенклатуру в самодовольный и ленивый класс. И лишь только системный кризис и растущее недовольство масс способно было заставить их выйти из состояния спячки, испугаться на манер паразитов сознания Колина

Уилсона за утрату жизненной энергии. Они должны постоянно накачивать людей отрицательными эмоциями, глушить их разум и затемнять сознание подданных.

3. «Бессмертная» номенклатура

В 1991 году восстание против партийной номенклатуры прогнившей государственности завершилось ее реваншем в конце 1999 года. Но ситуация начала меняться в том же 1991 году, когда исполнительная власть повела решительное наступление на парламентскую форму правления. По образному описанию А. Савельева: «Власть от КПСС перетекала, минуя народных избранников, прямиком к окружению председателя Президиума Верховного Совета (а потом Президента) Б. Ельцина. Всюду, где "исполкомия" была отделена демократами от "совдепии", номенклатура восстановила власть над умами, впитав в себя светлые идеи демократических публицистов и ораторов. Для того, чтобы "исполкомия" проглотила "совдепию" много времени не потребовалось» [12, с. 13].

Уже с 2000 года было объявлено о восстановлении «вертикали власти» и борьбе против местного сепаратизма. Идея федерализации страны была скорректирована введением федеральных округов. Отмени выборы губернаторов. Неизменная установка на вычурный синкретизм привела к соединению образов различных исторических эпох в гимне и гербе страны. Установка на включение и даже узурпацию истории некоего русского народа вплоть до самой древности, до Киевской Руси, венчаемой появлением Московского царства, вполне вписывается в идею о политической химере. Желание во что бы то ни стало быть империей, игнорирование экономических законов, агрессивное миссионерство и мифотворчество, пропаганда собственной исключительности дополнили «картину маслом».

Анализ российской элиты показал, что ее формирование определялось принадлежностью или поддержкой со стороны номенклатуры и

соответствующих бюрократических институтов. В частности, на это указывает крупный исследователь российской элиты О. Крыштановская [Крыштановская]. Пресловутые олигархи появились не благодаря собственным усилиям, а стали ими по назначению и с согласия власти. Дальнейшее перераспределение собственности также происходило в рамках групп, в том числе и из силовиков, связанных с выходцами из прежней номенклатуры. Разумеется, была и «пена», появившаяся в результате утраты тотального контроля над обществом.

Номенклатура, по нашему убеждению, не стала подлинной элитой, оставаясь верхушкой бюрократически-автократической системы, порожденной самовластием, и деспотической формой правления. И, как пишет В. Иноземцев: «Современной Россией правит не лидер, а сплоченная номенклатурная группа, в ней не видно людей, заметно выдающихся своими талантами и способностями» [7, с. 42]. Здесь даже в минимальном приближении не может возникнуть идея о меритократическом отборе руководителей.

Подмена содержания понятий стала основным занятием власть предержащих по затемнению общественного сознания. К обработке масс подключили телевидение, имеющее несомненные преимущества по внушению нужной информации и системы рекомендованных оценок. Всевозможные ток-шоу а-ля Владимир Соловьев и ему подобных специалистов по промыванию мозгов активно занимаются дрессировкой обывателей, провоцируя сильные эмоциональные реакции негативного характера.

Здесь мы не открываем Америку, но, следуя оценке американского мыслителя Ноама Хомски, власти идут по пути использования довольно известного приема: «Воздействие на эмоции представляет из себя классический прием нейролингвистического программирования, направленный на то, чтобы заблокировать способность людей к рациональному анализу, а в итоге и вообще к способности критического

осмысления происходящего. С другой стороны, использование эмоционального фактора позволяет открыть дверь в подсознательное для того, чтобы внедрять туда мысли, желания, страхи, опасения, принуждения или устойчивые модели поведения. Заклинания о том как жесток терроризм, как несправедлива власть, как страдают голодные и униженные оставляют «за кадром» истинные причины происходящего. Эмоции – враг логики» [14].

Не обладая собственным творческим потенциалом, номенклатура, тем не менее, способна к заимствованию известных форм и технологий. Во всяком случае, новое или заимствованное не должно способствовать изменениям самой системы. Здесь все должно быть подчинено единственной цели – укреплению и распространению власти. И как это не парадоксально, но именно избыточность этого желания и вредит самой цели, которую постоянно приходится оберегать от любого даже малейшего поползновения в пользу рациональных оценок предпринимаемых действий. Добиться же возврата к закрытой системе в современных условиях крайне сложно, даже заявив о том, что мы противостояем всему миру. Но, исходя из принципов подобия и видимости, власть предрежащие не ощущают тупиковости избранного ими пути. Самовластвующие вообще не способны критически оценивать свою деятельность, так как живут исключительно данностью и текущим моментом.

Управление в России исторически рассматривалось как владение и предполагало действия направленные сверху вниз. Сама идея восстановления «вертикали власти» и последующее провозглашение ценности консервативных устоев, указывала на сохранение прежней системы организации автократической власти. Этот как бы идеал базируется на идее восстановления самодержавия и соответствующего определения особого национального пути. Путь в прошлое, где осталась недоовоплощенная история, представлен как всеобщее благо. Но при этом идет откровенное сверхобогащение номенклатуры и ее групп. Самовластие подается как единственная и естественная для российской ментальности форма

взаимоотношений между правителями, их приближенными, слугами и подданными. Откровенная имитация прогрессивных форм организации власти осуществляется по типу управляемая и суверенная демократия, где игнорируются любые смыслы и общепринятые нормы. Оппозиция здесь должна быть только разрешенной и системной. В любой момент может произойти полный отказ и от этих декораций. Регресс объявленный прогрессом не может поддерживаться внешними формами либерализма и демократии.

Номенклатура «живет» внешними формами власти и определенным образом препятствует рождению элиты. Это химера, заинтересованная лишь в самой себе и ее не беспокоит общее и судьба государства, ресурсами которого она пользуется безгранично. Тем более что и сама экономика страны построена именно на осваивании ресурсов. Будучи производной от авторитарной власти номенклатура как химера живет только если поддерживает пространственно-временные идейные скрепы. Этот внешний каркас маскирует внутреннюю неустойчивость такого тела, которое рано или поздно должно распасться. Серость порождает лишь убогость бытия и утрату жизненной энергии, растрачиваемой на пустые разговоры о грядущем могуществе Священного Русского Царства.

Список литературы

1. Ахиейзер А.С. Россия: Критика исторического опыта: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Том I. 804 с.
2. Бунич И.Л. Пятисотлетняя война в России. СПб.: «Облик», 1996. Книга первая. 640 с.
3. Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
4. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, МП «Октябрь», 1991. 624 с.
5. Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. Т. VIII. 518 с.
6. Горский А.А. Русское Средневековье. М.: Астрель: Олимп, 2010. 222 с.

7. Иноземцев В. Природа и перспективы путинского режима // Свободная мысль. 2007. № 2. С. 39 – 57.
8. Кирпичёв Ю. Инверсный карго-культ // Кругозор. Интернет-журнал / URL: <http://www.krugozormagazine.com/blogs/article.108.html> (дата обращения: 17.08.18).
9. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
10. Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. СПб.: Крива, 2008. 704 с.
11. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / Пер. с англ. СПб.: Владимир Даль, Русский Остров, 2004. 624 с.
12. Савельев А.Н. Мятёж номенклатуры (1990 – 1993). М.: Интеллект, 1995. 496 с.
13. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. В двадцати томах. М.: Художественная литература, 1969. Т. 7. 695 с.
14. Хомский Н. Ноам Хомски: все, что нужно знать о том, как государство управляет массами // Новые известия / URL: <https://newizv.ru/article/general/16-11-2017/noam-homski-vse-chto-nuzhno-znat-o-tom-kak-gosudarstvo-upravlyaet-massami> (дата обращения: 21.08.18).
15. Чаплин Алексей, протоиерей. О потерянном рабстве и рыночной свободе // Благодатный огонь. Православный журнал / URL: <http://www.blagogon.ru/digest/737/> (дата обращения: 20.08.18).
16. Шлихтер А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // Большая онлайн библиотека e-Reading / URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1031214/10/Moskoviya_pri_Ivane_Groznom_glazami_inozemcev.html (дата обращения: 19.08.18).
17. Эпштейн М. «Они любить умеют только мертвых». О смерти, постмодерне и российской цивилизации. Беседа с Валентином Барышниковым на радио «Свобода» // Сноб. / URL: https://snob.ru/profile/27356/blog/118291#comment_847184 (дата обращения: 22.08.18)

II. ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

УДК 330

Е.Г. Черняк
Забайкальский государственный университет,
старший преподаватель
кафедры менеджмента
E-mail: chern_econ@gmail.com

Кластерный анализ позиций приграничного региона в экономическом пространстве

Аннотация: В статье представлен кластерный алгоритм оценочных мероприятий позиций приграничного региона в экономическом пространстве на основе метода анализа иерархий Саати. Посредством парных суждений сравниваемых типов интеграционных хозяйственных процессов региональной системы определена возможность выявления наиболее существенных факторов межтерриториального взаимодействия региона в приграничье.

Методика позволяет минимизировать проблемные моменты агрегирования масштабных данных при статистическом анализе. Преимущества основаны на поляризации оцениваемых процессов, использовании синтезированного математического аппарата, позволяющего оптимизировать согласительные процедуры при принятии стратегических решений регионального развития в приграничном пространстве.

Ключевые слова: «Кластерная иерархия анализа»; «экспертные предпочтения при парных суждениях»; «приграничное пространство»; «межтерриториальное взаимодействие приграничного региона»; «стратегия регионального развития».

E.G. Chernyak
Transbaikal state university
senior lecturer of chair of management
E-mail: chern_econ@gmail.com

Cluster analysis of the position of the frontier region in the economic space

Summary: The cluster algorithm of estimated actions of positions of the border region is presented in article in economic space on the basis of a method of the analysis of hierarchies of Saati. By means of pair judgments of compared types of integration economic processes of regional system possibility of identification of

the most essential factors of interterritorial interaction of the region in border space is defined.

The technique allows to minimize problem points of aggregation of large-scale data in the statistical analysis. Advantages are based on polarization of estimated processes, use of the synthesized mathematical apparatus, allowing to optimize conciliation procedures at adoption of strategic solutions of regional development in border space.

Keywords: "Cluster hierarchy of the analysis"; "expert preferences at pair judgments"; "border space"; "interterritorial interaction of the border region"; "strategy of regional development".

С методологической точки зрения, результаты любого аналитического этапа в стратегических разработках, по своей сущности, представляют основу формирования модели экономического взаимодействия региона, которая характеризовалась бы наиболее эффективными интеграционными схемами, обеспечивающими активизацию расширения его связей в экономическом пространстве.

В условиях постоянной трансформации экономических условий и методов регулирования, их многосложности и многофакторности, практика регионального управления актуализирует проблему выбора оптимальных методов сбора и обработки первичной оценочной информации. С точки зрения оптимизации, исследованные методологии оценки связаны с проблемами агрегирования масштабных объективных, неоднозначных сведений и применением в большинстве случаев чётких правил соответствия, что затрудняет дать однозначную характеристику процессов, вызванных межтерриториальным взаимодействием.

С учётом многокритериального подхода, к исследованиям позиционирования региона в приграничном пространстве, представляется возможным адаптировать метод анализа иерархий (метода Saati), разработанным американским исследователем Саати Т. [9]. Его использование обосновывается наличием математического аппарата, являющимся синтезом различных моделей оценок, чьи потенциальные

особенности связаны с возможностью оптимизации процедур согласования и принятия решений на основе многоуровневой кластеризации исследуемого объекта. В частности, к числу основополагающих моделей можно отнести искусственные нейронные сети, применение которых позволяет осуществлять взаимно-обратные увязки целевых установок анализа с факторной иерархией и процедуры согласования выделяемых приоритетных значимых тенденций.

Рейтинги значимости выделяемых тенденций осуществляются на основе векторов приоритетов в отдельных кластерах. Расчёты рейтингов математически основываются на методах определения собственных векторов для неотрицательных (в частности стохастических) матриц. Немаловажна система принятия решения для выборки альтернатив, включающая формирование экспертной системы на основе байесовского способа логического вывода, а также представления направленного графа, узлами которого служат альтернативы, главный критерий рейтингования альтернатив, факторы, влияющие на рейтинг альтернатив. Дугами графа являются связи влияния одних узлов на приоритеты других узлов. Существенным моментом использования предлагаемого метода Saati явилось возможность оценки исследуемых региональных проблем, целей и задач в удобном для обработки информации виде, на основе их иерархического древовидного или сетевого структурирования хозяйственных тенденции [12]. Кроме того, использование иерархического анализа даёт ещё ряд преимуществ:

- возможность рассматривать пространство региональных связей как сложную динамическую социально-экономическую систему, определяющуюся наличием внутренних и внешних взаимодействий;

- возможность использовать результаты аналитических исследований для сопоставления выявленных количественных характеристик экономического состояния долгосрочным целям социально-экономического развития приграничной территории;

- возможность учитывать множество мнений и стилей принятия управленческих решений, минимизации конфликтных ситуаций и противоречий, достижения согласия, что может являться в дальнейшем основой для разработки корректирующих управленческих воздействий со стороны органов власти.

Процедура оценки уровня позиционирования региона в приграничном пространстве посредством парных сравнений производится на основе выделения преимуществ и рисков анализируемых тенденций соответствующих хозяйственных процессов. Фундаментально, исходя из такой целевой установки, оценка сводится к отождествлению факторных приоритетов интеграционных моделей приграничных территорий (векторов приоритетов тенденций их хозяйствования), сформировавшихся в мировой практике межтерриториального взаимодействия: депрессивная; традиционная: демаркационная, периферийная; преференциальная; партнёрская модель [8].

Сравнительный анализ позволил выделить особенности их интеграционных процессов, которые соответственно характеризуют уровень позиций региона в экономическом пространстве. Каждая из них – отражение свойственных ей по количественной характеристике процессов взаимодействия и уровня их развития [2; 4; 6].

Для более существенного определения целевой характеристики вводились лингвистические термы, в обобщённом виде обозначающие уровень позиционирования региона на внешних и внутренних рынках: «низкий»; «средний»; «высокий»; «очень высокий». Таким образом, лингвистические термы («низкий», «средний», «высокий», «очень высокий») можно сопоставить соответствующим типам моделей (таб.).

В вершине (фокусе) иерархии – уровень позиционирования региона в приграничном пространстве (рис.).

На втором уровне иерархии определяются основные факторы экономического состояния приграничного региона: экономико-

географическое положение; демографическая ситуация; природно-ресурсный потенциал; региональная инфраструктура; внешнеэкономическая и региональная политика государства. Здесь задаются приоритеты преимуществ и рисков, вызванных влиянием этих факторов на позиции региона экономическом пространстве. В свою очередь, соотношение приоритетов преимуществ и рисков исследуемого фактора может характеризовать степень его влияния на экономическое положение региона и определять возможности экономического роста. Целесообразно выстраивание двух типов матриц: матрица приоритетов преимуществ, и матрица приоритетов возможных рисков, которые определяет каждый из факторов.

Таблица

Характеристика уровня позиционирования приграничного региона по типу интеграционной модели

	Депрессивная	Традиционная (периферийная; демаркационная)	Преференциальная	Партнёрская
Уровень позиций в экономическом пространстве	«Низкий»	«Средний»	«Высокий»	«Очень высокий»

Постановочный вопрос к матрицам приоритетов для парных суждений: «Какой из этих факторов, и в какой степени (в процентном соотношении) обеспечивает преимущества и риски для положения региона в приграничном пространстве?». Тем самым определяется первый этап иерархического анализа.

Следующий, третий уровень формирует основные группы процессов хозяйствования приграничного региона, которые, развиваясь, могут нести выгоды и потери для регионального хозяйства, связанные с влиянием соответствующего фактора второго уровня. Другими словами, этот уровень задаёт приоритеты наиболее вероятно реализуемых процессов хозяйствования региональной системы, определяющие преимущества или

негативы влияния факторов второго уровня. Как показали теоретические исследования, в условиях приграничья нашей страны, к основополагающим процессам, оказывающим существенное воздействие на региональные связи, в зависимости от приоритетности влияния факторов второго уровня можно отнести три группы процессов: межтерриториальное сотрудничество региона; трансформация региональной структуры хозяйства под воздействием приграничного сотрудничества; специфические организационно-правовые отношения (рис.).

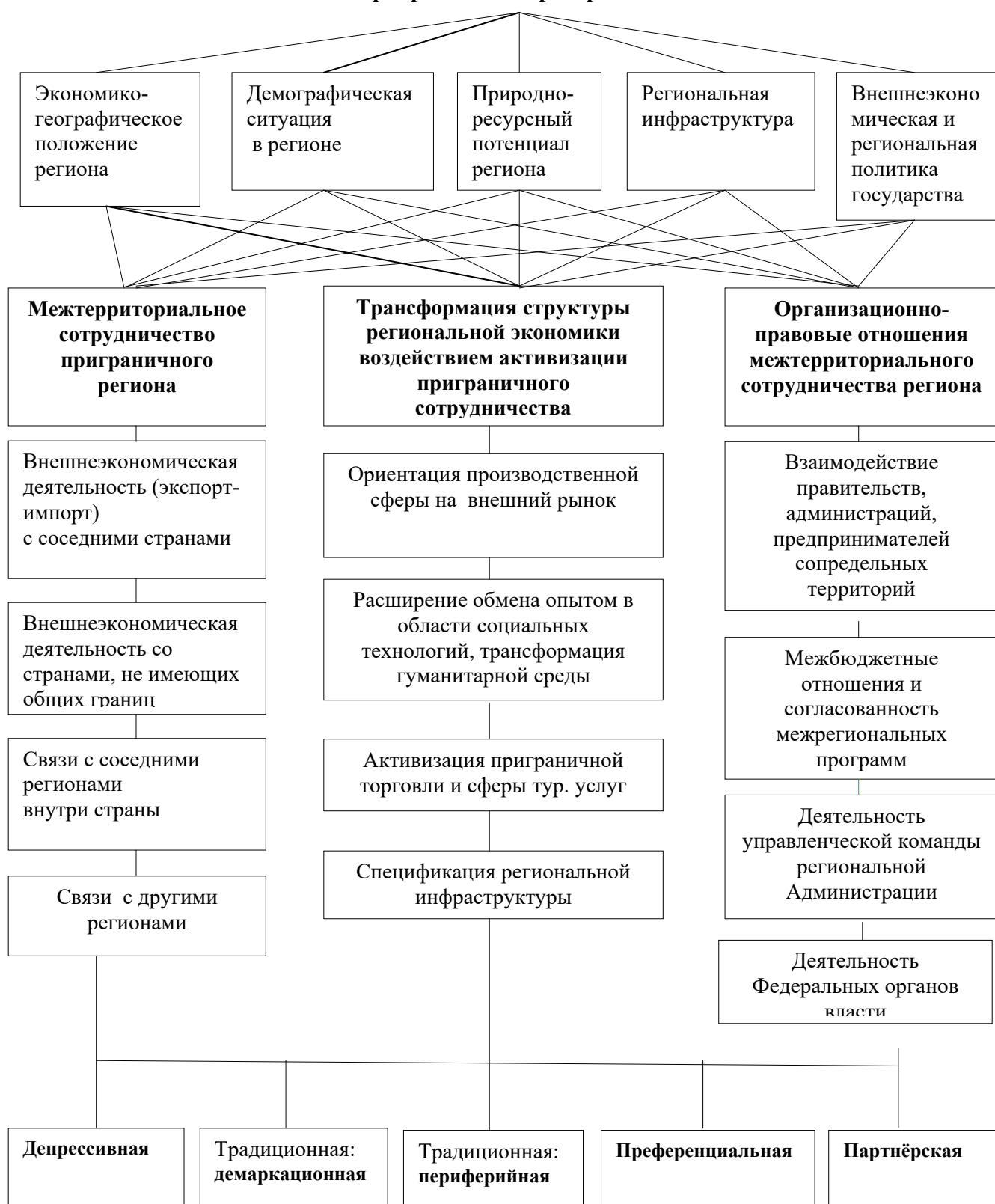
Необходимо построение пяти матричных таблиц преимуществ сложившихся тенденций развития этих процессов, а также пяти матриц негативных последствий. Обобщённая форма постановочного вопроса к каждой матрице: «Какая из этих трёх групп процессов вероятней всего даёт преимущества (риски) в позиционировании региона с учётом влияния исследуемого фактора второго уровня?». Например: «Какие процессы вероятней всего несут риски для региональных связей с учётом демографической обстановки в регионе?» и т.п. Парные сравнения при экспертных суждениях в ответах на постановочные вопросы к десяти матрицам производятся на втором этапе анализа.

Каждая группа процессов включает направления, в которых они реализуются в той или иной степени. Например, степень влияния межтерриториального сотрудничества на положение региона в экономическом пространстве будет определяться соотношением приоритетности преимуществ и негативов от внешнеэкономической деятельности региона с соседними странами, со странами, не имеющими границ с регионом, его связей с другими регионами внутри страны и т.д.

Рисунок

Иерархия уровня позиционирования приграничного региона на внешних и внутренних рынках экономического пространства

Уровень позиционирования региона в приграничном пространстве

Таким образом, определяется четвёртый уровень иерархии для проведения третьего этапа иерархической оценки. Он включает выявление

значимости составных компонент-направлений хозяйствования, которые могут определять приоритеты выгод и негативных последствий для межтерриториального сотрудничества региона, трансформации структуры его хозяйства и формирования институциональных основ. Соответственно этим трём группам процессов выстраиваются три матрицы, где попарно сравниваются их компоненты-направления хозяйствования (рис.). Постановочный вопрос к матрицам для парных суждений: «Какое направление хозяйственной деятельности обеспечивает преимущества (риски) для развития того или иного процесса хозяйствования региона (его межтерриториального сотрудничества; трансформации структуры хозяйства; институционально-правовых отношений)?». Пример: «Какой из институциональных процессов в наибольшей (наименьшей) степени оказывает влияние на организационно-правовые отношения региона в приграничном пространстве?».

Пятый уровень составляют сравниваемые интеграционные модели – их характеристики, определяющие уровень интеграции: депрессивная; традиционная: демаркационная, периферийная; преференциальная; партнёрская. Здесь задаются приоритеты следующего содержания: какая модель наиболее вероятней всего обеспечивает реализацию того или иного направления хозяйствования в условиях приграничья, связанных с приоритетами факторов второго уровня. Этот уровень иерархии даёт возможность провести четвёртый этап иерархического анализа, на котором можно определить приоритетные преимущества и риски реализуемых региональной системой хозяйственных процессов, вероятней всего обуславливающие ту или иную интеграционную модель: направлений межтерриториального взаимодействия; процессов трансформации структуры региональной экономики; элементов системы организационно-правовых отношений.

Другими словами, при парных сравнениях необходимо выяснить: какие пространственные модели экономической деятельности региона в условиях

приграничья с наибольшей вероятностью обуславливают такую степень интенсивности реализуемого процесса, которая обуславливает преимущества или сдерживающие факторы.

Согласно схемы иерархии приоритетов (рис.), по каждому из трёх групп процессов хозяйствования выстраивается по четыре матрицы векторов приоритетов преимуществ и рисков. Общая форма постановочного вопроса для экспертных предпочтений в парных суждениях: «Какая из интеграционных моделей обеспечивает именно такую интенсивность реализации определённого процесса, обуславливающую преимущества (риски) для региональной системы в экономическом пространстве?».

Выстроенная таким образом иерархия позволяет провести дальнейшие расчётные исследования, которые будут включать пятый, шестой и седьмой этапы анализа. В частности, цель пятого этапа будет заключаться в синтезе векторов приоритетов обуславливающих интеграционных моделей экономического взаимодействия, с векторами приоритетов направлений реализуемых процессов, посредством умножения матриц векторов приоритетов интеграционных моделей на вектора приоритетов трёх основополагающих групп процессов: межтерриториального сотрудничества региона, процессов трансформации структуры регионального хозяйства и организационно-правовых отношений региональных связей.

На седьмом этапе определяется фокус иерархий преимуществ и рисков, которые будут характеризовать уровень позиционирования региона в приграничном пространстве, обуславливаемый той или иной моделью. Операция является очередным этапом синтеза, где умножаются матрицы векторов факторов второго уровня на вектора (P_1), определяющие степень их влияния на уровень позиционирования региона.

Полученные данные значений элементов векторов преимуществ и рисков, характеризующих позиции региона, должны показать выгоды и негативные последствия реализуемых в его системе хозяйственных отношений с учётом влияния факторов второго уровня иерархии, а также в

какой степени они обуславливаются той или иной интеграционной моделью. Это будет означать, что применительно к тем условиям, в которых находится исследуемый регион, наибольшую возможность извлечений преимуществ (получения рисков) для его позиционирования обеспечивает та или иная реализуемая интеграционная модель.

Целесообразность идентификации выявленного типа модели межтерриториального взаимодействия, определяющей позиции региона, будет подтверждаться относительным показателем соотношения векторов приоритетов преимуществ и рисков позиционирования региона: $P_{\text{пов.}}^+ / P_{\text{пов.}}^-$ (где $P_{\text{пов.}}^+$ - вектор приоритетов преимуществ позиционирования региона в приграничном пространстве, $P_{\text{пов.}}^-$ - вектор приоритетов его рисков). Если показатель больше единицы, тогда реализуемая модель даёт больше преимуществ для региона, если меньше единицы, то больше негативных последствий.

Далее необходимо провести идентификацию выявленного типа интеграционной модели относительно выстроенной шкале лингвистических характеристик (табл.) – «низкий», «средний», «высокий», «очень высокий», определяющий уровень позиционирования региона в приграничном экономическом пространстве [11].

Кроме того, для дополнительного обоснования получаемых в ходе иерархического анализа результатов, необходима их сравнительная характеристика с динамикой основных статистических показателей региональных связей.

Таким образом, результаты парных сравнений исследуемых процессов в региональной системе, подтверждаемых статистической информацией, могут являться основой для разработки стратегических мероприятий повышения конкурентных позиций региона в приграничном пространстве.

Список литературы

1. Берфман М. Особенности экономического развития приграничных регионов // URL: <http://www.soskin.Info.Php> (дата обращения: 16.07.2017).
2. Вардомский Л.Б. Международная деятельность субъектов Российской Федерации и приграничное сотрудничество: экономические, правовые и политические аспекты: конспекты лекций. М., 2015. 272 с.
3. Грибова С.Н. Приграничная интеграция Забайкальского края: состояние и перспективы. Иркутск, БГУЭП, 2016. 156 с.
4. Грибова С.Н. Механизмы встраивания российских регионов в экономику стран Северо-Восточной Азии в условиях глобализационных тенденций современного мирового хозяйства. Иркутск, БГУЭП, 2012. 227 с.
5. Жирков А.Е. Региональные рынки труда в приграничном сотрудничестве // Российский экономический журнал. 2012. № 2. С.12-18.
6. Ишаев В.И. Международное экономическое сотрудничество / Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 11. С. 23-31.
7. Камратов Д.А. Проблемы и перспективы экономического сотрудничества / Российский внешнеэкономический вестник. 2010. №8. С. 23-28.
8. Мажевич Н.А. Модели приграничного сотрудничества муниципальных образований / Материалы практических исследований Центра стратегических разработок «Северо-Запад», 2014. С. 37-43.
9. Саати Т. Принятие решений: методы анализа иерархий / пер. с англ. Р.Г. Вачиадзе. М.: Радио и связь, 1993. 231 с.
10. Улиханян Т.А. Развитие трансграничной интеграции: дисс. канд. экон.: 08.00.05. Волгоград, 2006 152 с.
11. Черняк Е.Г. Методы комплексной оценки социально-экономического развития территорий. Чита, ЗабГГПУ, 2011. 186 с.
12. Шюбаев С.И. Математические методы и модели в экономике, финансах и бизнесе. М: ЮНИТИ-дана, 2017.

III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Редакция «Софияполис» продолжает знакомить с избранными материалами из сборника научно-методических статей VI Международной научно-практической конференции «Русский язык в современном Китае» (г. Хайлар, КНР, Институт русского языка Хулуьбуирского института, 20–22 апреля 2018 г.) / Забайкальский государственный университет. Чита – Хайлар, 2018).

В апреле 2018 года в г. Хайлар (КНР) состоялась очередная научная конференция «Русский язык в современном Китае».

Конференция стала традиционной и проводится в рамках международного сотрудничества с Хулуьбуирским институтом (КНР, г. Хайлар), который входит в число нескольких вузов Китая, получивших государственную поддержку в области сотрудничества с российскими университетами. Два вуза проводят совместные конференции: «Интерпретация текста» – на территории России (г. Чита) и «Русский язык в современном Китае» – на территории Китая (г. Хайлар).

УДК 398.9

С.А. Булгакова,
Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова,
старший преподаватель кафедры русского языка и естественных
дисциплин
E-mail: Svetlanka-b@mail.ru

Проблема изучения выражения причинно-следственных отношений в аспекте русского языка как иностранного

Аннотация: В статье анализируются проблемы изучения выражения причинно-следственных отношений при изучении русского языка как иностранного. Большое внимание уделено актуальности понимания и интерпретации выражений причины и следствия в учебных текстах. Также

рассмотрены проблемы, возникающие на пути учащегося в процессе освоения данного грамматического материала.

Ключевые слова: Причинно-следственные отношения, русский язык как иностранный, студенты-иностранцы.

S.A. Bulgakova,
Belgorod state technological University they. V. G. Shukhov,
senior lecturer of the Department of Russian language and natural Sciences
E-mail: Svetlanka-b@mail.ru

The problem of studying the expression of cause-effect relations in the aspect of Russian as a foreign language

Annotation: The article analyzes the problems of studying the expression of cause-effect relations in the study of Russian as a foreign language. Much attention is paid to the relevance of understanding and interpretation of expressions of cause and effect in educational texts. The problems arising on the student's way in the process of mastering this grammatical material are also considered.

Key words: Cause-and-effect relations, Russian as a foreign language; foreign students.

В условиях вузовского обучения у студентов-иностранцев возникает необходимость общения во всех видах коммуникации в объеме предметного материала специальных дисциплин определенного профиля. Научный текст в его письменном (учебник) и устном (учебные лекции) предъявлении служит для студентов основным источником обучения как специальным предметам, так и русскому языку [1, с. 67].

Понимание речи находится в прямой зависимости от уровня сформированности языковой системы учащегося. Обучение языковой форме, способной выражать то или иное внеязыковое содержание, есть необходимый, базовый компонент обучения иностранному языку [4, с. 7]. Для эффективного формирования языковой системы учащегося нужно брать учебные тексты и детально разбирать имеющиеся в них языковые нюансы.

Неоспорим тот факт, что ознакомление студентов с тем, как организован текст, каков механизм его построения, какова логико-смысловая

структура текста, значительно интенсифицирует процесс восприятия и переработки информации [2, с. 108].

Особую трудность в понимании и восприятии информации на русском языке как иностранном вызывают выражения причинно-следственных отношений. Данные выражения вводятся на элементарном уровне (А1) изучения языка. Например, союзы «потому что» и «поэтому» могут вводиться уже на второй неделе обучения. При ограниченном словарном запасе учащегося, при неуверенном владении грамматикой русского языка, при существующем языковом барьере учащемуся очень сложно активно использовать данные причинно-следственные конструкции в речи.

Причинно-следственные отношения представляют определенные трудности для осмысления студентами, так как не всегда относятся к числу очевидных. Сложности в усвоении указанного типа отношений создаются также и тем, что каждый язык по-своему разрабатывает сферу этих отношений, формируя собственные способы и средства их выражения [5, с. 150]. Поэтому, при изучении данных выражений на элементарном (А1) и базовом (А2) уровнях русского языка как иностранного рекомендуется обращаться к языку-посреднику.

При изучении выражений причинно-следственных отношений важно помнить об их многообразии. В русском языке выражение причинно-следственных отношений в зависимости от структуры и характеристики аргументов можно дифференцировать по трем важнейшим аспектам:

- структурному (конструкции в простом и в сложном предложениях),
- стилистическому (конструкции стилистически нейтральные и стилистически маркированные),
- семантическому (конструкции, подчеркивающие семантические оттенки следствия).

Для выражения причинно-следственных отношений выступают особые синтаксические конструкции.

На уровне простого предложения, данные отношения могут выражаться предложно-падежными формами: Благодаря + Д. п. (благодаря помощи; благодаря Вам); Из-за + Р. п. (из-за погоды, из-за опоздания; из-за Вас); От + Р. п. (от болезни, от шума, от удивления, от радости); По + Д. п. (по неопытности, по ошибке, по болезни); С + Р. п. (с испугу, со скуки). Кроме этого, используются синтаксические конструкции с составными предлогами: В связи с + Тв. п. (В связи с переходом на другую работу...); Ввиду + Р. п. (Ввиду неэффективности предприятия...); Вследствие + Р. п. (Вследствие незаконных действий...); В результате + Р. п. (В результате нарушения правил...); В силу + Р. п. (В силу ряда причин...).

В сложном предложении причинно-следственные отношения выражаются при помощи синтаксических конструкций с союзами, причем важной оказывается позиция придаточной части в структуре предложения (постпозиция или свободная позиция). Союзы *потому что*, *ибо* имеют постпозицию; союзы *оттого что*, *так как*, *поскольку*, *благодаря тому что*, *из-за того что*, *ввиду того что*, *вследствие того что*, *в силу того что*, *в связи с тем что*, *по причине того что* имеют свободную позицию [6, с. 110].

Из вышесказанного следует, что преподавателю необходимо обратить пристальное внимание на изучение данной грамматической темы, начиная уже с элементарного уровня (А1) изучения РКИ.

Акцентируя в тексте выражения причины и следствия и просто обращая на них внимание учащихся, преподаватель не добьётся эффективного усвоения и введения в активную речь данного материала. Необходима тщательная проработка каждого вида причинно-следственной связи.

На примере союзов «потому что», «так как», «поскольку», «ибо» можно проделать комплекс упражнений, которые помогут учащимся воспринимать, понимать и правильно интерпретировать информацию на русском языке как иностранном.

Вначале дается объяснение каждого союза. Например, «потому что» стилистически нейтрален, «так как» придает официальный характер

высказыванию, «поскольку» обычно употребляется в книжных стилях, «ибо» воспринимается как устаревший, но может встречаться в книжных стилях. После такого объяснения учащимся предлагаются фразы с данными союзами и они пытаются объяснить их употребление в каждой фразе. Давая подобное упражнение, преподаватель может контролировать, насколько хорошо учащиеся усвоили разницу между данными союзами.

Далее учащимся предлагается преобразовать бессоюзные предложения в сложноподчиненные с использованием данных союзов. Важно не просто вставить союз, но и объяснить, почему именно этот союз был вставлен (идет закрепление понимания разницы в употреблении каждого из предложенных союзов).

Можно предложить учащимся закончить предложения, при этом сохранить стиль фраз. Например, «Сегодня Маша не пошла в школу, потому что...» или «Поскольку ..., занятий завтра не будет».

После этого упражнения целесообразно прочитать текст с выделенными союзами. Например, текст из путеводителя по городу. После прочтения объяснить их употребление. В завершении работы с данными союзами для ввода их в речь можно дать письменную работу. Например, по модели прочитанного текста из путеводителя по городу составить путеводитель по своему родному городу или стране, дать советы туристам и аргументировать их с помощью изученных союзов [3]. В качестве домашнего задания можно попросить учащихся составить презентации об их родных городах и странах на основе написанных текстов. И на следующем занятии вывести использование союзов на уровень устного монологического высказывания.

Сравнительный анализ различных способов выражения причинно-следственных отношений в русском языке как иностранном представляется чрезвычайно важным не только в плане межъязыковых исследований, но также и в методических целях. Выявление сходств и различий в структуре и характере аргументов при выражении одних и тех же синтаксических

отношений и учет этих фактов помогает более эффективно организовать процесс обучения студентов-иностранцев русскому языку [6, с. 113].

Список литературы

1. Лёгочкина Е.Н. Обучение монологической речи на материале текстов по НСР // Вестник Тульского государственного университета. Серия Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин. № 1 (15). 2016. С. 67-70.
2. Лёгочкина Е.Н. Структурирование текста в целях интенсификации восприятия // Вестник Тульского государственного университета. Серия Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин. № 1 (16). 2017. С. 108-113.
3. Маркова В.А. Выражение обстоятельственных отношений в русском языке. Причина, следствие, цель, условие, уступка, время: учеб. пособие для иностранных учащихся. М.: ФЛИНТА, 2018. 160 с.
4. Одинцова И.В. Категория следствия. Опыт построения коммуникативной практической грамматики РКИ на материале выражения следственной семантики сложноподчиненным предложением // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. Т. 4. 2009. С. 7-13.
5. Петрова Л.Г., Фанфэй Л. Русские причинно-следственные конструкции и их аналоги в китайском языке: лингвометодический анализ// Проблемы современного педагогического образования. № 52-4. 2016. С. 149-155.
6. Саид Али Муртада. Выражения причинно-следственных отношений в русском и арабском языках // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. Т. 85. № 6-1. 2010. С. 109-113.

УДК 378.4

О.П. Игнатьева,
Тульский государственный университет,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры общеобразовательных дисциплин
E-mail: ignateva-tula@mail.ru

О некоторых особенностях субтеста «Говорение» в российском и китайском тестировании на знание русского языка как иностранного

Аннотация: В статье рассматриваются особенности говорения как

вида речевой деятельности и элементы содержания субтеста «Говорение» в системе российского тестирования ТРКИ-I и китайского тестирования СТЯК III, а также причины трудностей обучения китайских учащихся устной речи на русском языке.

Ключевые слова: Тестирование, субтест, речевая деятельность, общение, монологическая речь, сертификационный уровень, довузовское образование.

O.P. Ignatyeva,
Tula state University,
candidate of pedagogics,
associate Professor of the Department of General education
E-mail: ignateva-tula@mail.ru

Some features of the subtest "Speaking" in the Russian and Chinese state testing in Russian as a foreign language

Summary: The author discusses the features of speaking as a kind of speech activity and the contents of the subtest "Speaking" in Russian TORFL-I and Chinese state test, as well as causes of Chinese trainees difficulties in Russian oral fluency.

Keywords: Testing, subtest, speech activity, communication, monologic speech, certification level, pre-university education.

С течением времени Государственное тестирование по русскому языку как иностранному занимает всё более прочные позиции в системе российского образования. Особое значение при его проведении занимает субтест «Говорение». И это вполне объяснимо.

Как следует из определения, «говорение» относится к продуктивному виду речевой деятельности, посредством которого, причём зачастую совместно с аудированием, осуществляется устное вербальное общение. Содержанием говорения является выражение мыслей в устной форме, а в его основе лежат произносительные, лексические, грамматические навыки [1, с. 20].

Именно вследствие интегрирующего характера обучение устной речи вызывает особые трудности в процессе преподавания неродного языка. Это

подтверждают и рассуждения З.М. Цветковой. Учёный-методист объясняет основную причину трудностей при обучении устной речи тем, что языковой материал, который должен воспринять человек, выступает в совершенно новом аспекте – им нужно владеть активно как средством общения, а не просто для узнавания и опознавания, что является задачей при рецептивном восприятии речи. Да, действительно, самостоятельное выражение мыслей и чувств на неродном языке чрезвычайно трудно, поскольку говорящий должен владеть не только синтаксико-морфологическим строем языка, но и сложной системой сочетаемости слов, в большинстве случаев специфичной и во многом не совпадающей с сочетаемостью в родном языке субъекта речи [2, с. 197].

Е.И. Пассов утверждает, что говорение не существует само для себя, а является активным средством общения. Обращая внимание на последовательность в овладении говорением как видом речевой деятельности, он выделяет заключительный целеполагающий этап – обучение общению. В этот период обучение говорению отличается многогранностью и включает в себя в качестве средств общения и чтение, и аудирование, и письмо. Е.И. Пассов определяет его как «межциклового этап, синтезирующий всё, чем овладел ученик на специальных циклах по обучению говорению, чтению, аудированию и письму» [3, с. 131].

Содержание субтеста «Говорение» составлено с учётом общепризнанного методического подхода к овладению этим видом речевой деятельности и включает в себя два блока: монологическая речь и диалогическая речь.

Остановимся на монологической речи репродуктивного плана. В соответствии с требованиями к речевым умениям первого сертификационного уровня учащийся должен строить монологическое высказывание репродуктивно-продуктивного характера на основе прослушанного или прочитанного текста различной формально-смысловой структуры и коммуникативной направленности. А также у него должно быть

сформировано умение передавать содержание, основную идею прочитанного или прослушанного текста и выражать собственное отношение к фактам, событиям, изложенным в тексте, действующим лицам и их поступкам [4, с. 80].

Задание 3 субтеста «Говорение» ТРКИ-I представляет собой текст, который необходимо прочитать, кратко передать его содержание. Однако одного этого недостаточно, для успешной сдачи экзамена необходимо в целом понять смысловую структуру изложенного материала, сформулировать основную идею текста и выразить своё отношение к героям и событиям, о которых он рассказывает.

Эта часть субтеста «Говорение» вызывает наибольшие трудности у учащихся из Китая. И вот чем можно это объяснить. С точки зрения Т.М. Балыхиной и Чжао Юйцзяна, главной задачей учащегося в Китае всегда было запоминание огромного количества материала и его воспроизведение. При этом ни его анализ, ни интерпретации, ни выражение своего отношения к нему не были предусмотрены.

К сожалению, вплоть до настоящего времени система обучения практически не формирует у китайских учащихся навыков прогнозирования содержания текста по его названию, по ключевым словам, по началу предложения или слова. Объективные данные показывают, что большинство китайцев обладает некоммуникативным (рационалистическим) стилем изучения иностранных языков, легко выполняет подстановочные упражнения, но с трудом овладевает речевыми навыками, с трудом преодолевает психологический барьер в процессе коммуникации [5, с. 110].

Об этом всегда должен думать преподаватель, обучающий китайских граждан русскому языку, чтобы обеспечить им успешную сдачу сертификационного экзамена ТРКИ-I, соответствующего уровню поступления в российский вуз.

Некоторая несогласованность наблюдается и в следующем аспекте. Наряду с ТРКИ в межгосударственной системе тестирования активно

функционирует СТЯК – система тестирования по общему владению русским языком в Китае.

В 1999 году было разработано и подписано Соглашение о сотрудничестве между центрами тестирования на знание русского языка РФ и КНР, что актуализировало получение сертификатов китайцами, желающими пройти обучение в российских вузах. Ведь тест III уровня СТЯК является сертификационным и даёт право для направления по государственной линии претендента на учёбу в российское высшее учебное заведение на первый курс. Таким образом, СТЯК III соответствует I сертификационному уровню ГТКИ. Однако субтест «Говорение» значительно отличается от российского. Он состоит из заданий, в одном из которых предлагается составить диалог по картинкам, например, с изображением времён года. При его выполнении тестируемые задают друг другу вопросы и поочередно отвечают на них. А в другом задании предлагается составить небольшие рассказы по картинкам, на которых изображены сцены из студенческой жизни. Тестируемые при этом должны дополнить рассказ друг друга, если один из них пропустил важную информацию [6, с. 132]

К сожалению, уровень сложности выполнения субтеста «Говорение» СТЯК III и ТКИ-I совершенно разный и трудно сопоставимый.

Однако практика показывает, что при наличии контакта между обучаемым и обучающимися проблема по осмыслению прочитанного текста китайцами разрешима. Тем более в настоящее время в системе довузовского русского образования используются учебники по русскому языку как иностранному, сориентированные на требования к I сертификационному уровню. Textoцентричным можно назвать учебник коллектива авторов под руководством Т.И. Капитоновой «Живём и учимся в России», задания в котором предусматривают активное включение говорения в работу по семи разделам:

I. Иностранцы в России

II. Город и горожане

- III. Человек и природа
- IV. Учиться всегда пригодится
- V. Человек и общество
- VI. Отдых и увлечения
- VII. Век живи – век учись.

Особую роль в этом учебном пособии выполняют задания, направленные на развитие речевых навыков и умений. А это необходимо не только для сдачи сертификационного экзамена на знание русского языка, но и для осуществления успешной коммуникации в российском социуме.

Список литературы

1. Балыхина Т.М., Игнатъева О.П. Словарь терминов и понятий лингводидактической теории ошибки. М.: Изд-во РУДН, 2006. 121 с.
2. Цветкова З.М. Обучение устной речи // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия. М.: Рус.яз., 1991. С. 194–209.
3. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Рус. яз., 1989. 276 с.
4. Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному: Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень: Учеб.пособие. М.: РУДН, 2010. 181 с.
5. Балыхина Т.М., Чжао Юйцзян. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. Монография. 2-е изд. М.: РУДН, 2010. 344 с.
6. Балыхина Т.М., Румянцева Н.М., Чен Ян Дзы Проблемы измерения и оценки качества обучения русскому языку в Китайской Народной Республике // Тестирование в обучении русскому языку как иностранному: современное состояние и перспективы. Научно-методические очерки. Терминологический словарь / Под общей ред. Т.М. Балыхиной. М.: Московский государственный университет печати, 2003. С. 123–132.
7. Капитонова Т.И. и др. Живём и учимся в России. Учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся (I уровень). СПб: Златоуст, 2016. 304 с.

О.Л. Абросимова,
Забайкальский государственный университет,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как иностранного
E-mail: oksana.3105@yandex.ru

**Обучение иностранных студентов по направлению «Филология»
(профиль «Прикладная филология») в Забайкальском государственном
университете: специфика, проблемы и перспективы**

Аннотация: В статье анализируются особенности организации процесса обучения студентов по направлению бакалавриата «Филология» (профиль «Прикладная филология») в Забайкальском государственном университете. Особое внимание уделяется проблемам, с которыми сталкиваются студенты в процессе обучения, и намечаются пути их решения.

Ключевые слова: Компетенции общекультурные, общепрофессиональные, профессиональные; прикладная филология.

O.L. Abrosimova,
TRANS-Baikal state University,
candidate of philology,
associate Professor of Russian as a foreign language Department
E-mail: oksana.3105@yandex.ru

**Training of foreign students in the Philology direction (Applied Philology
profile) at the Transbaikal state university: specifics, problems and prospects**

Annotation: In article features of the organization of process of training of students in the direction of a bachelor degree “Philology” (Applied Philology profile) at the Transbaikal state university are analyzed. Special attention is paid to problems which students in the course of training face, and ways of their decision are outlined.

Key words: Competences are common cultural, all-professional, professional; applied philology.

Прикладная филология в последнее время часто внедряется в учебные процессы вузов. Её привлекательность определяется широким спектром знаний по русскому языку и литературе в сочетании с умениями применять

эти знания на практике в современной жизни.

Профиль «Прикладная филология» «предусматривает подготовку выпускников для работы в области коммуникации, рекламы, связей с общественностью, издательской деятельности, в СМИ, учреждениях культуры и управления. Обеспечивает приобретение профессиональных навыков многоаспектной работы с различными типами текстов (создание, интерпретация, экспертиза, трансформация, распространение художественных, публицистических, официально-деловых, научных и т.п. текстов) и осуществления языковой, межличностной и межнациональной письменной и устной коммуникации» [2, с. 5].

Учебный план прикладной филологии выстроен таким образом, чтобы за четыре года обучения студент подготовил себя в том направлении, которое он для себя выбрал. Прикладная филология открывает для выпускника неограниченные возможности: он способен осуществлять научно-исследовательскую, проектную, прикладную, организационно-управленческую деятельность. Он может работать преподавателем русского языка как иностранного, переводчиком, редактором, журналистом, спичрайтером, пиар-менеджером, заниматься издательской деятельностью. Кроме того, после окончания университета можно продолжить образование в магистратуре, аспирантуре.

Во время обучения студент должен освоить те курсы, которые помогут ему овладеть будущей профессией. Не случайно при изучении всех дисциплин формируются не только общекультурные, но и профессиональные компетенции. Следует отметить, что компетентностный подход – основа современного российского образования. В учебном плане указан тот набор компетенций, которые должны быть сформированы в процессе изучения студентом дисциплины. Преподаватель подбирает комплекс приёмов, методик, которые должны оптимизировать этот процесс. При этом компетентностная значимость дисциплин может быть разной. Например, при изучении дисциплины «Основной язык (русский)» должны быть

сформированы следующие компетенции: способность к самоорганизации и самообразованию; свободное владение основным изучаемым языком в его литературной форме, базовыми методами и приемами различных типов устной и письменной коммуникации на данном языке; владение навыками перевода различных типов текстов (в основном научных и публицистических, а также документов) с иностранных языков и на иностранные языки; аннотирование и реферирование документов, научных трудов и художественных произведений на иностранных языках; способность применять полученные знания в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста в собственной научно-исследовательской деятельности [3]. При изучении курса по выбору «Мировой кинематограф» круг компетенций сужается до двух: у студентов должны быть сформированы способность к самоорганизации и самообразованию и способность применять полученные знания в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста в собственной научно-исследовательской деятельности [3].

В учебном плане выделяются 5 частей – базовая и вариативная части, курсы по выбору, практика и государственная аттестация. Базовую часть составляют дисциплины, общие для всех профилей направления «Филология». Здесь представлены также и те дисциплины, которые не могут быть изменены вузом: «История», «Философия», «Иностранный язык», «Физическая культура», «Безопасность жизнедеятельности». В вариативную часть входят профильные дисциплины, которые делятся на обязательные и дисциплины по выбору. Российский вуз оставляет за студентом право выбора им дисциплин в соответствии с интересами и в зависимости от будущей профессии. В вариативной части учебного плана в ЗабГУ представлены дисциплины: «Стилистика и литературное редактирование», «Русский язык и

культура речи», «Русский кинематограф», «Жанры виртуального дискурса», «Русская сказка: лингвокультурологический анализ», «Выразительное чтение на уроках РКИ», «Язык рекламы», «Введение в суггестивную лингвистику», «Межкультурные коммуникации», «Сказки на уроке русского языка», «Актуальные проблемы официально-делового стиля русского языка» и др. Разнообразие дисциплин позволяет студентам понять, в каком направлении двигаться дальше и как можно быстрее определиться с дальнейшей профессией.

Вместе с тем можно выделить ряд проблем, которые затрудняют организацию учебного процесса по этому профилю:

1. Непонимание студентами-иностранцами организации учебного процесса в вузах России.

2. Неприятие ими некоторых дисциплин учебного плана из базовой части.

3. Ограниченность профессиональных умений и навыков, вырабатывающихся во время прохождения учебной и производственной практик.

4. Недостаточное знание некоторыми студентами 1 курса русского языка и, как следствие, слабое усвоение ими предметов учебного плана.

Рассмотрим эти проблемы более детально и постараемся найти наиболее оптимальные пути их решения.

1. Обучение в вузах Китая основывается на аудиторных занятиях. В России же 50% времени отводится на самостоятельную работу. Для примера: на освоение основного языка (русского) в учебном плане отводится 576 часов. Из них 72 ч. – экзамен, 252 ч. – аудиторные занятия, 252 ч. – самостоятельная работа. Китайские студенты часто не осознают, что небольшим количеством лекционных и практических занятий не исчерпывается освоение дисциплины. Вне занятий самостоятельно они должны очень много заниматься переработкой и созданием вторичного текста (конспекты, рефераты, тезисы), сбором и систематизацией источников

(составление списка литературы, словаря терминов, картотеки), проектированием и анализом литературы. В российских вузах не принято изучать дисциплину по одному учебнику, как в Китае. Студенты должны самостоятельно анализировать разные источники, а затем систематизировать полученные знания. Разнообразие материалов, которые предлагают преподаватели, часто вызывает у студентов недоумение.

2. По мнению студентов, не все предметы, которые входят в учебный план, понадобятся в дальнейшей профессиональной деятельности. Среди таких предметов называют латинский язык, экономику, историю языка. Между тем при изучении этих и некоторых других дисциплин студенты получают знания, позволяющие им не превратиться в профессионалов с узкой специализацией, а стать высокообразованными специалистами с широким спектром фоновых знаний. При освоении этих дисциплин можно научиться анализировать и сопоставлять материал, искать и находить истоки языковых явлений и процессов. Кроме того, развиваются многие компетенции, в том числе общекультурные и профессиональные, необходимые для будущей работы в качестве переводчика или преподавателя русского языка. Например, способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции невозможно сформировать без изучения философии, а способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции – без изучения истории, способность использовать основы экономических знаний в различных сферах жизнедеятельности – без изучения экономики [1, с. 210].

3. За время обучения студенты проходят 3 практики – учебную, производственную и преддипломную. Общая трудоёмкость практик – 15 зачётных единиц, что соответствует 540 академическим часам. Во время учебной практики у студента должны быть сформированы первичные профессиональные умения и навыки. Студенты работают с библиографией, каталогами, учатся составлять тексты, которые им понадобятся прежде всего

во время учёбы – рефераты, конспекты, рецензии, терминологические словари и так далее. Преддипломная практика по сути завершает процесс обучения и предназначена для сбора материала по теме выпускной квалификационной работы. Производственная практика в вузе является основной и должна подготовить студента к дальнейшей профессиональной деятельности. В идеале эта практика должна соответствовать интересам студента и готовить его непосредственно к той профессиональной деятельности, которой он хотел бы заниматься после окончания вуза. Например, если студент хочет работать преподавателем, он должен проходить педагогическую практику; если он хочет быть переводчиком, он должен проходить практику переводческую и т.д. На деле же вуз не предлагает студентам такой широкий спектр практической деятельности, ограничивая их каким-то одним направлением. Чтобы практика была оптимальной, необходимо сделать её дифференцированной.

4. При поступлении в ЗабГУ студенты должны пройти компьютерное вузовское и лингводидактическое абитуриентское тестирование (ТРКИ – 1). Эти экзамены должны выявить, знает ли абитуриент русский язык настолько, чтобы он смог учиться в российском вузе. Большинство иностранцев эти испытания проходят успешно. Но следует отметить, что студенты поступают в университет, владея русским языком в разной степени. Часто в первом семестре даже студенты, на достаточно высоком уровне знающие язык, не всегда хорошо понимают преподавателя, излагающего материал, насыщенный терминами. В результате преподавателям необходимо затратить значительные усилия, чтобы подготовить будущих студентов к успешному усвоению профильных дисциплин. Самая главная проблема, с которой сталкиваются студенты в первые месяцы пребывания в России, – сложность процессов языковой и социокультурной адаптации. И задача преподавателей русского языка в России – помочь преодолеть эти проблемы, подготовить их к успешному освоению профильных дисциплин. Именно поэтому в первые годы обучения иностранных студентов в вузе существовала программа

«Интенсив», согласно которой на протяжении первого месяца учёбы в России студенты изучали различные виды речевой деятельности – говорение, слушание, письмо, чтение. Обучение русскому языку по этой программе позволяло быстро адаптироваться в условиях русскоязычной среды. Коммуникативная ориентированность программы приводила к тому, что китайские студенты очень быстро начинали общаться с русскими в разных ситуациях – учебных, бытовых, социокультурных.

Практика показывает, что оптимальный вариант для тех, кто хочет стать студентом нашего вуза, – это обучение перед поступлением в университет на курсах русского языка при кафедре русского языка как иностранного в течение года. Подготовка к обучению в вузе там идёт по специально разработанным программам, в которых предусмотрено развитие всех видов языковой компетенции.

Следует отметить, что у прикладной филологии очень хорошие перспективы, обусловленные разнообразием видов профессиональной деятельности, которыми может заниматься выпускник после окончания вуза.

Список литературы

1. Абросимова О.Л., Воронова Л.В. Комплексный подход к преподаванию русского языка как иностранного // Методика преподавания русского языка (как иностранного, как второго): история, современное состояние, перспективы развития (коллективная монография). М: РУДН, 2017. С. 202–216.
2. Ковтун Е.Н. Методические рекомендации по разработке вузовских основных образовательных программ на основе ФГОС по направлению Филология URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/mo/20120404084538.pdf> (дата обращения: 20. 02. 2018).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 45.03.01 Филология (уровень бакалавриата).

УДК 372.881.161.1

И.А. Романов,
Забайкальский государственный университет,
декан факультета Филологии и массовых коммуникаций
кандидат филологических наук, доцент,
E-mail: igorromanoff@mail.ru

**Выявление пушкинских реминисценций в лирике И. Бродского
на занятиях с иностранными студентами**

Аннотация: В статье рассматривается такой приём анализа художественных текстов, как выявление реминисценций. Этот приём может оказаться продуктивным при организации работы с иностранными студентами в курсе «История русской литературы». Работа по выявлению литературных параллелей в художественных текстах требует не только достаточно хорошего знания языка, но и максимальной интеллектуальной сосредоточенности, понимания произведений на углублённом уровне, а значит, организует студентов на более сложную деятельность, которая обязательно должна отразиться на степени их владения русским языком. В статье предложен материал для организации занятия по осмыслению пушкинских реминисценций в стихотворениях И. Бродского.

Ключевые слова: Реминисценция, аллюзия, диалог культур и эпох, литературная преемственность.

I.A. Romanov
TRANS-Baikal state University,
Dean of the faculty of Philology and mass communications
candidate of philological Sciences, associate Professor,
E-mail: igorromanoff@mail.ru

**The identification of the Pushkin reminiscences in the poetry of I. Brodsky
in the classroom with foreign students**

Summary: The article discusses such a method analysis of literary texts as revealing reminiscences. This technique can be productive when working with foreign students in the course "History of Russian literature". Work to identify literary Parallels in literary texts requires not only a good enough knowledge of the language, but also the maximum intellectual concentration, understanding of works at an in-depth level, and therefore organizes students into more complex activities, which must necessarily affect the degree of their knowledge of the Russian language. The article offers the material for the organization of classes on the understanding of Pushkin's remarks in poems by I. Brodsky.

Key words: Reminiscence, allusion, dialogue of cultures and eras, literary continuity.

Подготовка иностранных студентов по направлению «Филология» предполагает изучение ряда литературоведческих дисциплин, в частности, таких как «История русской литературы» и «История зарубежной литературы». Учебные программы предполагают знакомство студентов с произведениями ведущих писателей различных эпох, с их биографиями и мировоззрением, социокультурным контекстом. В этой связи представляется чрезвычайно интересной и плодотворной работа по выявлению литературных параллелей между произведениями различных авторов, аллюзий и реминисценций. Она позволяет выявить примеры литературной преемственности, вечные темы и образы, обнаружить диалог различных эпох и культур. Всё это создаёт представление о литературе как о целостной, живой и развивающейся системе. При этом, без сомнения, не стоит забывать о главной, стратегической задаче работы с иностранными студентами направления «Филология» – обучение их русскому языку посредством материала литературоведческих дисциплин.

Безусловно, овладению лексикой и грамматикой русского языка способствуют такие виды деятельности студентов, как коллективное чтение текстов вслух, заучивание наизусть стихотворений, пересказ сюжетов произведений, обсуждение их тем и проблем. Работа же по выявлению литературных параллелей в художественных текстах требует не только достаточно хорошего знания языка, но и максимальной интеллектуальной сосредоточенности, понимания произведений на углублённом уровне, а значит, организует студентов на более сложную деятельность, которая обязательно должна отразиться на степени их владения русским языком.

В курсе «История русской литературы» вряд ли возможно обойти вниманием фигуру И. Бродского – поэта с мировым именем, лауреата Нобелевской премии. Иностранцам студентам он, как правило, не известен,

зато они хорошо знают А. Пушкина как «главного» русского поэта. Выявление пушкинских реминисценций в стихотворениях И. Бродского – поэта конца XX века, практически современника – позволит по-другому взглянуть и на творчество русского гения века XIX, и на поэзию вообще.

Методика проведения занятия предполагает следующие элементы: иностранные студенты знакомятся с выдержками из критических статей о связях творчества И. Бродского и А. Пушкина; предварительное чтение стихов, где эти связи прослеживаются; чтение текстов вслух на занятии; выявление в них «точек соприкосновения» и обсуждение их природы.

Материалы литературоведческого характера

для проведения занятия по теме

В последние годы появились многочисленные литературно-критические статьи, посвященные сопоставлению творчества А.С. Пушкина и И. Бродского. Желание исследователей сблизить (иногда даже несколько искусственно) этих авторов вполне понятно: творчество Пушкина заложило основы русской классической литературы, да и вообще он – самая значительная фигура в ней, И. Бродский же, безусловно, наиболее интересный и к тому же получивший международное признание русский поэт последней трети XX века. Искушение приблизить Бродского к Пушкину иногда столь велико, что некоторые исследователи не видят (или не хотят видеть) вполне очевидного факта, на который указал литературовед А. М. Ранчин: «Поэтический мир Пушкина безмерно удален от поэтического мира автора "Части речи" и "Урании" (Бродского. – И.Р.)» [1, с. 18].

И все-таки при всей разнице художественных систем некоторые основания для сближения имен Пушкина и Бродского есть. Например, речь может идти о месте обоих поэтов в том идеальном пространстве, которое называют «русской литературой». И Пушкин, и Бродский не только знаковые фигуры в литературном процессе своих эпох – это своеобразные вехи в российской словесности. Но если литературное наследие Пушкина определило пути её развития, то творчество Бродского, с одной стороны,

впитывавшее все достижения русской поэзии, и с другой стороны, во многом выпавшее из её традиции, есть итог этого развития. Бродскому было свойственно ощущение того, что он является «последним поэтом», чье творчество органично связано с русской поэзией (Державин, Пушкин, Баратынский, Мандельштам, Цветаева, Ахматова) множеством видимых и невидимых нитей [1]. Именно этим ощущением можно объяснить наличие в поэзии Бродского реминисценций из произведений других авторов.

Пушкинские реминисценции в стихотворениях Бродского – ещё один повод поставить рядом этих мало похожих поэтов. Использование цитат, образов из творчества других авторов Бродским, как правило, не ограничивается литературной игрой или пародией. Почти за каждой реминисценцией просматривается внутренний подтекст, связь которого с мировоззрением и мироощущением поэта несомненна. Так, например, в стихотворении «Зимним вечером в Ялте» фраза «Остановись мгновенье! Ты не столь прекрасно, сколько ты неповторимо!» [2, с. 110], являющаяся вариацией фразы из «Фауста» Гете, позволяет сделать выводы относительно приоритетов поэта XX века. Герой-скептик Бродского, остро ощущающий уходящее время, ускользающую жизнь, не стремится к «прекрасному мгновению», а ценит его неповторимость. Одна фраза включает в себя полемику с Гете и обозначивает принадлежность Бродского к той литературной традиции, наиболее значительным представителем которой в XX веке был М. Пруст.

Наиболее известная пушкинская реминисценция присутствует у Бродского в стихотворении из поэтического цикла «Двадцать сонетов к Марии Стюарт»:

**Я вас любил. Любовь ещё (возможно,
что просто боль) сверлит мои мозги...**

**Я вас любил так сильно, безнадежно,
как дай вам Бог другими - но не даст [2, с. 143].**

Благородству и возвышенности пушкинского лирического героя Бродский противопоставляет максимально правдивый и трезвый взгляд на жизнь. Любовь оборачивается неизбежной болью, а у возлюбленной не остается никаких шансов на «сильную и безнадежную» любовь с другими. (Здесь было бы уместно вместе со студентами вспомнить парадоксальную формулу «люблю и ненавижу» римского поэта Катулла, творчество которого студенты изучают в курсе «История зарубежной литературы»). Несерьезное обращение с классикой в данном случае – это ни в коей мере не попытка её дискредитации. Просто идеал классической литературы слишком уж разнится с реалиями современной жизни, в которой ирония (в том числе по отношению к классическому наследию) становится для героя Бродского одним из способов выживания.

В стихотворении Бродского «К Евгению» (из цикла «Мексиканский дивертисмент») явно просматриваются отсылки к «Медному всаднику» и «Евгению Онегину» Пушкина. «Аллюзия на петербургскую повесть Пушкина содержится в описании мексиканских (ацтекских) барельефов с «разными сценами, снабженными перевитым // туловищем змеи». На монументе Фальконе изображена змея, попираемая копытами коня Петра» [3, с. 39]. Тексты Пушкина и Бродского сближает тема каменного изваяния, символизирующего вытесняющую жизнь смерть. Мотивы скуки и странствий в этом стихотворении и в «Евгении Онегине» позволяют говорить о наличии в произведениях единого смыслового пространства. Авторское обращение к герою копирует пушкинское: «Скучно жить, мой Евгений. Куда ни странствуй, // всюду жестокость и тупость воскликнут: «Здравствуй, // вот и мы!». Лень загонять в стихи их...» [2, с. 163].

Характерная особенность реминисценций и аллюзий Бродского заключается в том, что они, зачастую, образуют не диалог между Бродским и каким-либо другим литератором, а полилог, т.к. в единое смысловое поле попадают произведения сразу нескольких авторов. Так, например, стихотворение Бродского «Север крошит металл, но щадит стекло» (цикл

«Часть речи») образуют вместе с произведениями Пушкина и Ходасевича единый интертекст [1].

Особо хотелось бы остановиться на литературных параллелях между стихотворением Бродского «Бессмертия у смерти не прошу» (1961 г.) и пушкинским «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829 г.). Эти параллели не были замечены исследователями, хотя представляют несомненный интерес. Оба стихотворения пронизаны мыслью о конечности человеческого существования и безусловным философским принятием собственной участи.

**Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды –
И чей-нибудь уж близок час!**[4, с. 271]

Так восклицает Пушкин. У Бродского эта идея передается через противопоставление вечного и сиюминутного, выраженного во второй строфе стихотворения:

**Как широко на набережных мне,
Как холодно, и ветрено, и вечно,
Как облака, блестящие в окне,
Надломлены, легки и быстротечны** [2, С. 33].

Рифма «вечно – быстротечны» в данном контексте принимает символический оттенок. Так же, как и Пушкин, Бродский подчеркивает контраст между трагедией (собственной смертью) и «равнодушным», «холодным» отношением к ней природы. Этот контраст однако не вызывает у поэтов протеста, скорее – сожаление и смирение. Оба поэта заканчивают свои произведения образом «младой жизни», которая придет после них, знаменуя победу жизни над смертью, вечное обновление мира.

Пушкин: **«И пусть у гробового входа// Младая будет жизнь играть,//
И равнодушная природа //Красою вечною сиять»** [4, с. 272].

Бродский: **«Пусть ветер обо мне молчит, //пускай легко рыдает
ветер резкий,// и над моей могилою еврейской// младая жизнь**

настойчиво кричит» [2, с. 34].

Оба стихотворения сближает также мотив «угадывания» времени собственной смерти. У Пушкина: **«День каждый, каждую годину// Привык я думой провожать,// Грядущей смерти годовщину //Меж их стараюсь угадать»** [4, с. 271].

У Бродского: **«И осенью и летом не умру, //но всколыхнется зимняя простынка,// взгляни, любовь, как в розовом углу// горит меж мной и жизнью паутинка»** [2, с. 33]. 21-летний поэт действительно предсказал в этом стихотворении свою смерть в зимнее время года (он умер в январе 1996 года).

А.С. Пушкин, осознавая неминуемую смерть, которая ждет его впереди, высказывает пожелание: **«И хоть бесчувственному телу// Равно повсюду истлевать,// Но ближе к милому пределу// Мне все б хотелось почивать»** [4, с. 272]. И. Бродский также затрагивает в своем стихотворении тему «милого предела», места, с которым поэт связан духовно. Более того, он даже называет это место: **«Свисти, река! звони, звони по мне, // Мой Петербург, мой колокол пожарный»** [2, с. 33]. Петербург Бродского – это персонификация Родины, которая одна только может остро переживать смерть героя.

Таким образом, текст Бродского представляет собой вариацию пушкинского стихотворения. Общность в мироощущении обоих поэтов несомненна (следует иметь в виду, что можно говорить об относительной созвучности мироощущения: стихотворение 30-летнего Пушкина всё-таки отличается сосредоточенная, элегическая интонация; 21-летний Бродский же создает произведение гораздо более «резкое», «энергетичное»). Высказывая отношение к миру, к собственной личности, Бродский заново воссоздаёт классический текст. Для молодого поэта это была трудная задача, но то, что он с ней справился, не вызывает сомнений.

Связь между Пушкиным и Бродским, как двумя выдающимися явлениями в русской поэзии, очевидна. И. А. Бродский ориентировался на

А.С. Пушкина, соглашался или полемизировал с ним, но в любом случае вступал в диалог. По-другому и быть не могло. Поэт конца XX века И. Бродский понимал культуру как некое пространство, в котором соседствуют авторы разных эпох, их произведения, персонажи; в котором прошлое всегда отражается в настоящем и наоборот, а Пушкин в этом пространстве занимает совершенно особое место.

Вопросы и задания к занятию

1. Найти в словаре значение слова «реминисценция».
2. Подготовить короткий рассказ о биографии А. Пушкина и И. Бродского.
3. Прочитать стихотворение А. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» и И. Бродского «Бессмертия у смерти не прошу...»
4. Выявить и объяснить с опорой на предложенные материалы литературоведческого характера параллели между этими текстами.
5. Прочитать стихотворение «Я Вас любил...» А. Пушкина и стихотворение с аналогичным названием из «Двенадцати сонетов к Марии Стюарт» И. Бродского.
6. Выявить сходства и различия в настроении лирических героев этих произведений.
7. Выявить, какую роль играет в тексте И. Бродского ирония. Почему в произведении А. Пушкина её нет?
8. Приведите примеры литературных параллелей в творчестве других писателей.

Список литературы

1. Ранчин А.М. Об одном поэтическом треугольнике: Пушкин – Ходасевич – Бродский // Вестник МГУ: Филология. 1998. № 3. С.18-21.
2. Бродский И.А. Стихотворения. Таллин: КПД, 1999. 221 с.
3. Ранчин А.М. Иосиф Бродский: поэтика цитаты // Русская словесность. 1998. № 1. С.36-41.
4. Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 1. 408 с.

IV. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ

МНОГОМЕРНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛИЗМА

А.В. Павлов

Опубликовано в журнале «Гуманитарный вектор» (Чита). 2002. № 1-2 (10-11).

Проблема провинциализма

Говоря о провинциализме, хочется оценить его однозначно: необразованность, узость поля зрения, большие амбиции, претензии и т.д. Вряд ли это следует делать. Подходя к провинциализму «со стороны», поневоле ставишь себя в положение столичного жителя, осуждающего и пренебрежительно поджимающего губы, либо же радующегося милым глупостям деревень. Однако не потому ли так трудно подобрать ему антоним, что он – везде, и является позицией, также дающей оценку всему не провинциальному. Трудно избежать вопроса: кто прав в своих оценках – провинциализм или его оппоненты.

Собственно говоря, «столичность» – это процесс творчества норм и эталонов культуры, а провинциализм – процесс соответствия нормам и эталонам. При таком понимании мы все характеризуемся обоими качествами. Они вообще достойны того, чтобы о них говорить лишь тогда, когда в силу культурно-исторических причин разделены в пространстве, когда это – разные города или разные люди, культивирующие тот или иной стиль мышления.

В последние десятилетия, если не в профессиональной литературе, то, по крайней мере, в профессиональных беседах, наметилось соглашение, различающее провинциальность и провинциализм. Любопытно желание провести такое различие, ясно намекающее, что провинциализм не обязательно качество мышления провинции. Но тогда чему присуще это качество, в чем его природа?

Проблема диктует, по крайней мере, две задачи.

1. С какой точки зрения возможна постановка проблемы провинциализма?

2. Каким он предстает с этих точек зрения?

Провинциализм, характеризуя мышление, уже этим относится к предметной области гуманитарных наук. Предмет же гуманитарного познания обладает очевидной особенностью, отличающей его от предмета, например, естествознания. Он представляет собой внутренний опыт исследователя, и поэтому от него нельзя дистанцироваться.

Безусловно, отсутствие дистанции не допускает рационального познания. Но, в таком случае, как показал И. Кант в «Критике чистого разума», необходима рациональная характеристика субъекта. Описанием его качеств может быть задан ракурс исследования и определено методологическое основание, диктующее точку зрения и видимый с этой точки облик предмета. Так появляется та форма дистанции исследователя от предмета, которую допускает гуманитарное исследование, – ясность понимания предметной и проблемной областей и ясность аргументации.

Предмет присутствует в субъекте, значит, необходима позиция, проявленная и закрепленная в методологических принципах исследования. Анализ предмета со всех отрефлексированных позиций позволяет представить его «объемно». Несколько позиций способны зафиксировать несколько «обликов» провинциализма, выглядящих обособленно, но в действительности единых друг с другом, объединяемых самой целостностью предмета.

Такие позиции становятся своего рода «измерениями», осями пространственно-временного континуума, а каждый «облик» предмета оказывается параметром, «меткой», определяющей положение предмета в системе координат пространства научной культуры. В таком случае, «объемное» представление выступает многомерной моделью, где знание объединяется с воображением и интуицией, а исследователь получает

возможность ясно понимать предмет и проговаривать его с точки зрения как науки, так и искусства.

Без сомнения, измерения пространства культуры обусловлены самим ее состоянием. Но и культура, в свою очередь, зависима. Ее пространство является не только формой и методологическим принципом познания, но и принципом ее творчества.

Пространство гуманитарного познания: три традиционные программы

В литературе неоднократно высказывалась мысль об этапах гуманитарного познания. Так, например, И. Ильин различает модернистский этап, отсчитываемый им с XVII века, и постмодерн. Думается, что эта идея перспективна в плане анализа пространства гуманитарной науки, необходимого для анализа предмета статьи.

Гуманитарное познание в XVII-XX веках в своем развитии действительно проходит, как представляется, несколько этапов. Начинались они в разное время, но различие между ними скорее логическое, чем хронологическое. Они решают разные задачи, а каждая группа задач представляет собою самостоятельную исследовательскую программу, доступную рефлексии. Их можно условно называть классицистской, романтистской, модернистской и постмодернистской программами.

Проблема провинциализма может быть поставлена и решена по-разному. И классическая философия, и современная, обе способны сказать о нем своё. Основным интерпретатором, позволяющим придать знанию общезначимый смысл, является культура. Поэтому определимся, какие «метки» градуируют современное пространство научной культуры и определяют параметры гуманитарного предмета, *в каком пространстве находится субъект, размышляющий сегодня о провинции и провинциализме?*

Представляется, что исследование возможно, по крайней мере, с пяти точек зрения, три из которых обусловлены традициями, одна продиктована сложившимся на сегодня состоянием культуры, и еще одна предопределена

предметом познания. Следовательно, образ провинциализма в современном гуманитарном познании многомерен.

Предметом гуманитарного познания, в конечном счете, выступает человек. Однако такой предмет нуждается в уточнении. Что такое «человек» для гуманитарной науки? Что означает «исследовать человека», каких людей она исследует, говоря о провинциализме? Какие фундаментальные методологические установки определяют познание ее предмета?

1. Классцистская программа

На мой взгляд, она исследует «человека вообще» даже тогда, когда направляет свой взгляд на конкретных людей. Ее предметом выступает абстракция действительных человеческих существ как сторона субъект-объектной социокультурной парадигмы, основополагающей для новоевропейской культуры и картины мира.

Ее цель – раскрытие и определение сущности человека, обнаруживаемой либо во всемирной духовности, либо в тотальной материальности, либо в социальности. Человек представляется проявлением материи, общества или мирового духа. Познание же регулируется основным методологическим приемом – редукцией всего многообразия личностей к единому материальному, духовному или социальному основанию.

Классицизм характеризуется отсутствием индивидуального начала. Он требует от гуманитарного познания строить теории по образцу средневековой схоластики, заменяя Бога – абстрактной человеческой личностью. Согласно такому образцу, опираясь на философские традиции и на унаследованные культурой предпосылки, постулируется минимальное число аксиом, из которых по правилам дедукции объясняется весь мир, в том числе и человек. Таковы концепции Г. Гегеля, А. Шопенгауэра, Ф. Шеллинга. Признаки этого наблюдаются в неокантианской философии Марбургской школы (Г. Риккерт, Э. Кассирер), в культурологии О. Шпенглера, в герменевтике Х.-Г. Гадамера, в историческом материализме, в теории кодов культуры Ю. Лотмана.

Основной методологический принцип классицистской гуманитарной программы состоит в редукции действительных человеческих существ к физической природе, духу или общественным отношениям, которые присутствуют в программе как ее постулаты.

В теории это выглядит как редукция к виду животных (человек – продукт биологической эволюции), к объективной реальности (человек – продукт эволюции материи), к космической духовности (человек – продукт последовательных самоотчуждений и превращений мирового духа), к религиозным или бытовым традициям (человек – творение Божье, или он – культурное существо). Редукция к всеобщим основаниям превращает самого человека во всеобщее, абстрактное существо.

В отдельном исследовании методологический принцип программы выступает отношением субъекта к объекту, компонентом иерархически выстроенной картины мира, а следовательно, убеждением, ограничивающим подбор конкретных методов их ориентацией на цель редукции – на всеобщие постулаты. То, что для отдельного исследования – цель, для программы в целом – частная задача. Поэтому для исследования *познавать конкретного человека как всеобщее существо означает познавать его основания, условия жизни и отношение к условиям жизни.* Достигая своей цели, исследование привносит свой вклад в общую программу.

Таким образом, для классицистской программы наиболее характерна редукция настоящего к прошлому, абстрагируясь от будущего.

Итогом такого познания становится полученная дедуктивным путем теоретическая модель личности, например, как результата социализации, усвоения традиций, продукта межличностных коммуникаций, общественных отношений. Данная модель понимается как инвариант человеческих качеств и, в этом смысле, как закон.

Классицистский образ провинциализма

Провинция в такой философии может быть интерпретирована глазами столицы. Она выглядит продуктом освоения мира неким центром, которому

подчинена и с которым неравноправна. Провинциализм же как ментальность провинции становится разумом вторичным, приниженным, послушным, не имеющим стратегической инициативы и только решающим поставленные центром задачи.

Провинция – колония, отсталый уголок, а ее культура оказывается «идиотизмом сельской жизни». Столица – это и основание, и принцип, и субстанция, и запредельный, космический разум для провинции, и причина ее существования. Столица – это *все*, а то, что вокруг столицы, то – провинция: так в разряд мировых провинций, с точки зрения стратегии «бремени белого человека» (Р. Киплинг), сто лет назад попадали и Китай, и Индия. Сорок лет назад, с точки зрения высших государственных интересов, таким виделся север Тюменской области.

Провинция в контексте классики – это «простая земля», не отягощенная творческим напряжением и тяжестью нравственных и интеллектуальных проблем. Все передовое – в столицах, а в провинции – рассуждения о жизни, погоде и урожае. Сидят на завалинке с махорочными самокрутками в трудно зажатых пальцах и рассуждают. Провинция – место жительства стариков. Стремление молодежи в столицу – это, конечно же, прогрессивная мечта, легко объясняемая классицистской методологией.

В глазах классицистской программы провинция выглядит строительной площадкой, хаосом, нуждающимся в культурации. Столица возвышается над провинцией, воспринимая ее как сырье, материал, «бедных варваров», которых следует поднимать до своего уровня.

Столица же с точки зрения самой провинции – первейший враг. С ним бесполезно бороться напрямую, классицизм – мировоззрение слишком могущественной силы, отношение к нему – героическое. Провинциализм подобен древнему греку, противостоящему богам, такой же сверхмогущественной и живущей неподалеку расе. Если нельзя физически победить Зевса, его можно перехитрить, обмануть, ударить исподтишка, а при первой же возможности – предать.

Провинциализм превращается в хитрую мысль, воюющую с «глиняным Исполином». Он жалуется, ищет сторонников и оправданий или же стоически переносит унижение. Это – мысль, обиженная непризнанностью и неравенством. Компенсируя неравенство, он создает себе ценности и развивает структуры, формально подобные столичным и носящие те же имена. Это позволяет провинциализму быть «великим», хотя бы для самого себя. Он пишет книги, возвеличивающие свою территорию и происхождение, в музыке и поэзии предпочитает гимны и патриотические песни и стихи. Он создает теории о самом себе. Только одно портит ему настроение, он – не Столица, он не признан нигде дальше околицы.

2. Романтистская программа

Она начинается, когда индивидуальность человека заявляет о своей свободе и стремится вырваться за пределы детерминизма. Ею подчеркивается самобытность человека и необходимость его бунта и освобождения от природной и социальной зависимости. Такова философия Ж.-Ж. Руссо, С. Кьеркегора, Ф. Ницше или Х. Ортеги-и-Гассета. Заметны признаки романтизма у К. Маркса.

Романтистскими средствами необходимость бунта и революции, конечно, акцентируется, но зависимость человека от сверхчеловеческих оснований по-прежнему учитывается. Таким образом, *познавать человека, значит, познавать его основания, условия и бунт против них как главное к ним отношение.*

Результатом романтистского познания выступает интерпретируемая классицистски модель оснований и коммуникаций, а также целей бунта. При этом цели зачастую выглядят как общественные идеалы.

Методологический принцип романтистской гуманитарной программы – редукция внутреннего мира человека к предзаданным условиям и идеалам бунта, устанавливающая связь между прошлым и будущим.

Романтистский образ провинциализма

Провинция в рамках такой позиции, скорее, Утопия, Эдем, чем примитивный пяточок земли вдалеке от столичных проблем. Поначалу она воспринимается уставшей от самой себя столицей как цветущая и умиротворяющая страна, «родовое гнездо», где господствует истинная простота нравов и духовность, любовь, благо и красота. Таков, например, западный миф о Востоке, знающем ответы на проклятые вопросы Запада. Таков же и российский миф о Русской Деревне – источнике истинной нравственности. Достаточно сравнить замечательную статью М. Хайдеггера о провинции с размышлениями Г.Гессе о Востоке, чтобы увидеть их сходство.

Провинциализм умилителен, он вызывает тоску по истине, истокам и корням. Он радуется, как растение, у которого тоже корни и истоки. Он заставляет возводить на пьедестал самородков и гордиться ими. Самородки и самоучки ничего, как правило, не совершают, ни открытий, ни изобретений. Однако столице достаточно, что они, как малые дети, уже лепечут на ее языке. Столице кажется, что их к лепету подвигла некая Высшая духовность, пробудившаяся в них под ее мудрым, столичным руководством. Ей тоже хочется Высшей духовности, и она начинает учиться у провинции, не замечая, что уравнивает свою столичность с провинциализмом, что начинается переоценка ценностей и смена акцентов.

Тогда облагороженная столицей провинция превращается в бунтующую колонию. Провинциализм становится разумом революционным, сепаратистским, заявляющим о своей самобытности, самодостаточности и ценности, презирающим самодовольство сытых столичных филистеров. Его амбиция велика, он сам хочет быть Столицей, унижающей бывших повелителей. Он не знает того, что его система ценностей и его структуры подобны столичным лишь формально. Он убежден, что им и впрямь руководит Высшая духовность, но пришедшая лишь к нему, минуя столицу. Такое убеждение оправдывает претензии, и провинциализм начинает «вещать», провозглашать ту истину, которую столица так хотела от

провинции. А истина заключается в том, что никаких столиц нет, а если они и есть, то никак не там, где их привыкли находить.

Провинция начинает завоевывать столицу, учиться в ее университетах, печататься в ее издательствах и выступать на ее конференциях. Она пробивает «своих» в министры и государственные секретари для того, чтобы те, достигнув цели, облегчили остальным завоевание.

3. Модернистская программа

Модернизм в гуманитарных науках предметом познания имеет действительное человеческое существо, рассматривая его в отношении к универсальности культуры. Культура выступает продуктом совместного творчества в ходе экзистенциального диалога.

Постулируя право каждого на самобытие и тайну, модернистская программа видит в диалоге единство конфликта и взаимопонимания, сотрудничества и соперничества, обуславливающего интересубъектность и создающего внутреннее единство всех культурных форм и явлений.

Модернистская система задач появляется тогда, когда человек, наконец, духовно освобождается от сверхличностной детерминации жизни и идентифицирует себя со своей самобытностью и субъективностью. Теперь он исследуется как самобытное существо в контексте социальных и культурных связей. Коротко говоря, модернистская позиция – это право быть самим собой, нуждаясь в других.

Познавать человека модернистски означает познавать его как творца всеобщих условий жизни, исследовать его внутреннее качество и специфику индивидуального бытия как творчества личностных оснований в целом, жизненного мира и межличностных коммуникаций в частности.

Несмотря на то что экзистенциализм зарождается в эпоху романтизма и навсегда сохраняет романтическое бунтарство, его расцвет – М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю – приходится на эпоху модерна и составляет ее сюжет. Помимо экзистенциализма, наиболее значимыми для модернистского гуманитарного познания становятся теория диалога (М. Бубер, М.М. Бахтин)

и структурализм К. Леви-Стросса. У истоков модернизма можно усмотреть философию И. Канта.

Результатом модернистского познания выступает все та же обобщенная модель оснований личности, понимаемая в качестве универсального проекта жизненных перспектив, складывающихся в ходе творчества и диалога. В модернистской культуре осуществляется смысло-жизненное наполнение романтических идеалов, формируются жизненные планы и цели.

Методологический принцип модернизма, по-прежнему, редукция внутреннего мира человека. Однако это уже редукция к проективной модели, к будущему, игнорирование прошлого. Это философия не бунта, а созидания, коллективного строительства.

Модернистский образ провинциализма

В глазах модернизма провинциализм – освободившаяся колония, победившая революция, завоеванная столица. «Столичность» и провинциализм меняются местами. Было бы можно говорить о модернистском образе провинциализма теми же словами, что и в классицистском представлении, если бы не два, по-видимому, специфических свойства.

Одно из них заключается в замечательной демократичности побеждающего провинциализма. Завоевание столицы для него означает выравнивание всех статусов и разрушение существовавшей ранее иерархии ценностей. Он настаивает на укреплении «горизонтальных связей», благодаря которым каждый может договориться о своих интересах, то есть на диалоге равных партнеров.

В таком контексте провинция противопоставлена не столице, а центру, центров же может быть много. «Научная столица», «культурная столица», «промышленная столица», «столица моды», «столица виноделия» – это уже разные города. Административная же столица утрачивает все прочие статусы и остается всего лишь политическим центром, отличающимся, например, от

города, в котором она расположена. В противовес одной Академии наук образуется еще двадцать, в противовес одному Правительству страны возникают правительства областей.

В перспективе, конечно, оппозиция провинциализма и «столичности» должна утратить глобальное значение и стать проблемой практической психологии. Но прежде чем это произойдет, если произойдет вообще, им предстоит, вероятно, пройти еще много, рука об руку.

Выравнивание «столичности» с провинциализмом делает обоих маргиналами. Провинция тянется вверх и теряет свои традиционные и бытовые «корни», а столица опускается вниз и утрачивает «вселенские» основания для своих претензий на гегемонизм. Маргинализация обоих ведет к охлократии, к господству человека массы и к массовой культуре, в которой ценности провинциализма распространяются столичными средствами. В массовой культуре действительные ценности если не обезличиваются, то тонут. Маргинализация является первым признаком побеждающего провинциализма.

Думается, что второй его специфический признак – жестокость, к которой он прибегает, закрепляя победу. Провинциализм в столице, это и неоправданные надежды, возлагаемые на насилие, на целенаправленное строительство новой иерархии, на эксплуатацию во имя новой Утопии. Он встречается с новым сырьем, которое следует культивировать.

Пространство гуманитарного познания: постмодернистская программа как современный облик провинциализма

Во второй половине XX века европейская культура вошла в полосу качественной трансформации, которую уже за полстолетия до этого предчувствовали и называли «кризисом европеизма», а после одноименного труда Ж.-Ф. Лиотара называют «состоянием постмодерна». Эта эпоха в эволюции культуры привела и к соответствующим формам познания и творчества, к постмодернизму. Он становится четвертым измерением предмета гуманитарного исследования.

Постмодернизм, в первую очередь, интересен не как художественный метод или прием и не как методология *sui generis*, а как онтология культуры, то есть как переломная эпоха и современность, рождающая методологию. В этом случае он формирует «нулевую точку» всей системы координат пространства гуманитарной науки. О нем как об измерении имеет смысл говорить в связи с его структурой, предлагающей дополнительные параметры для анализа предмета исследований. При такой точке отсчета все три традиционные программы тоже становятся постмодернистскими.

Модернизм, будучи противоположным классицизму, как бы завершает виток эволюционной спирали и формально возвращает нас к классике. Если классика видит человека проявлением сверхчеловеческого начала, то модернизм находит все внечеловеческое продуктом индивидуального субъективного творчества и диалога. Так, Э. Гуссерль в «Кризисе европейских наук» подметил субъективизм и полагал, что наука его времени имеет дело не с миром, а с теоретически выстроенной картиной мира.

Классицистская, романтистская и модернистская программы различаются между собой акцентами, но в целом, подчинены общей парадигме: *исследовать предмет – значит изучить его условия, основания и отношения. Для этого строится теоретическая модель, и предмет редуцируется к модели.* Сущность всех трех программ заключается в разных формах соотношения всеобщего и единичного. В классицизме на переднем плане находится всеобщее, в модернизме – единичное, романтизм же выглядит переходным между ними состоянием науки.

Методологическая идея постмодерна иная, *предмет индивидуален, и исследовать его надо конкретно и обособленно.*

Исходя из деконструктивистской практики и исследуя внутритекстовые конфликты, обусловленные «спящим смыслом» (Ж. Деррида), постмодернизм рассуждает следующим образом. И автор, и читатель, создавая или прочитывая один и тот же текст, оба не ведают, что творят. Они вкладывают в текст каждый свои значения, а значения эти имплицитно содержат

предпосланные культурой и не осознаваемые ни автором, ни читателем смыслы. Текст становится функцией культуры, а в его собственном смысле образуются так называемые «неразрешимости», среди которых на передний план выходит конфликт автора и читателя. Это дает основание Йельским деконструктивистам заявлять о том, что ни один текст в принципе не может быть понят правильно.

Из такой программы следует, что характерная для эпох трансформации «атомизация» индивидов изолирует их сознание от внешнего мира. «Коллапс» сознания делает познание и практику индивидуальными и изолированными от параллельных действий других индивидов. Познание оборачивается самопознанием, а мир видится фрагментарным. Мир – разбитое на множество осколков зеркало, в которое вглядывается мыслитель. Пытаясь увидеть мир, он видит искаженный фрагмент своего лица.

В программе постмодернизма господствует отношение между единичным и единичным. И. Ильин замечает, что деятельность постмодернистов представляется бунтом одиночек против государственных структур. Всеобщее же и универсальное в культуре существует на уровне индивидуальных представлений, в том числе и государственные структуры, против которых нацелен бунт. Проще сказать, постмодернистски настроенный ученый знает, что все его теории не более чем его личное мнение, которое не имеет оснований претендовать на универсальность. Постмодерн, таким образом, это право быть самим собой, не нуждаясь ни в ком. Он считает познание ради высших идеалов иллюзией и следит за тем, чтобы в науке преобладал этот скромный стиль. Но это же и адресуемое другим требование не нарушать общепринятые правила и не претендовать на истину, в первую очередь, требование «знать свое место» адресуется бюрократическим структурам государства.

Ж.-Ф. Лиотар называет постмодерном «состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века». В его версии, суть постмодерна заключается в

рациональности, направленной на оптимизацию и автономизацию социальной системы, рассматривающей собственную среду только как материал и условие автономизации и оптимизации. Взгляд на философию из точки постмодерна естественно трактует ее как оправдание любого поступка средствами игры, то есть сложившимися и общепринятыми правилами, не «укорененными» ни в какой онтологии, кроме онтологии самой игры. Традиционные программы опирались на традиции, развивая или переосмысляя их. Постмодернизм же любит традиции как картежник ломберный стол и правила преферанса. Это суровая, рациональная любовь, не допускающая ни малейших изменений.

Наука превращается в игру по принятым правилам, в нашей стране эти правила иллюстрируются образовательными Программами. Ясно, что любое самое малое открытие требует своего языка и своих методов. Бдительное соблюдение правил игры запрещает открытие, а значит, и науку. Из познания она превращается в профессию и образ жизни, в обряд, и более того, в ритуал. Познание, конечно, продолжается, но уже не благодаря научной культуре, а вопреки ей. Первым, кто заметил эту угрозу, был, вероятно, И. Кант с его замечательной статьей «О недавно возникшем барском тоне в философии». За ним последовал К. Маркс, введший в научный обиход понятие профессорской философии. Собственно говоря, именно тогда, когда гуманитарная наука жестко детерминируется требованиями образовательных Программ, она гибнет как наука и оживает, когда вместо Программ она обуславливается требованиями, вытекающими из структуры научной теории.

Постмодернистская методология, таким образом, обладает следующими отличительными чертами.

- Исследование и его автор оказываются функциями самораспада культуры. В познании доминирует самопознание. В структуре внутреннего опыта рефлексивно выделяется и превращается в теорию социокультурное содержание субъективности. На ее основе строится

модель предмета, становящаяся, таким образом, современной субъекту. Современность же трактуется как целенаправленно и осознанно творимая повседневность в рамках локальной культуры. Следовательно, теория предмета тождественна умозрительной модели субъекта исследований.

- Редукция как методологический принцип меняется на интерпретацию субъектом предмета по аналогии с самим собой. Методология исследования становится подчеркнуто наукообразной, но в ее основе доминирует первобытная метафоризация окружающего мира. Вместе с этим абстрагируется осознание и понимание связи предмета с прошлым и с будущим. Предмет рассматривается строго как «современный».
- Формой интерпретации становится рациональный анализ предмета в контексте локальной культуры повседневности, обуславливающей логику анализа. Что касается конкретности и индивидуальности субъекта анализа, то они проявляются в его научно-художественном мышлении о предмете через авторские интерпретации «другого», прошлого и будущего как аспектов самой повседневности.

В такой трактовке и провинциализм, и его оппоненты растворяются полностью. Постмодернистски мыслящие исследователи именно себя выделяют в качестве субъектов познания: себя, свои взгляды и собственные интерпретации традиций и идеалов. По отношению друг к другу они – провинциалы, а по отношению к самим себе – носители нового мировидения. На переднем плане помещаются индивидуальные качества человека, рассматривающего социокультурную субъективность как свой внутренний опыт, подчиняющего социальное индивидуальному. *Классицистская, романтистская и модернистская методологии – это принципы исследования, развития и творчества индивидуального в отношении социального опыта и идеалов. Постмодернистское методологическое основание – принцип деконструкции, демонтажа.* Вместе с этим,

постмодернизм совершенно отчетливо полагает индивидуальность и созвучную ей современность в качестве «точки отсчета» в системе координат пространства культуры. Это современное мышление современников о современности. Ницше, Хайдеггер и Деррида – современники потому, что Деррида мыслит о Ницше и Хайдеггере.

В таком случае постмодернистский субъект познания демонстрирует следующие признаки:

1) он становится ситуационным, то есть непосредственно переживающим необычайность (очевидную непознанность) своей жизни и жизненного мира. Необычайность трактуется как проблемная ситуация. Такая трактовка позволяет в многообразии жизненного мира рационально вычленивать локальные структуры повседневности и ввести в них предмет;

2) онтологическим качеством исследователя оказываются его изолированность и одиночество, переживаемое как «пренебрежение другим», как признание за ним *права быть самим собой и быть неинтересным*. Интересны структуры повседневности, но не их антропоморфная функция, потому что «другой» принципиально непостижим;

3) межчеловеческие коммуникации и экзистенциальный диалог исследователя с жизненным миром превращаются в «ситуационную коммуникацию», во встречу и конфликт изолированных индивидов и проявляются во взаимном непонимании и неадекватности. Коммуникация становится рациональной структурой повседневности, поверхностным и телесным взаимодействием, обменом обесцененной и лишенной экзистенциальных значений информацией. Всеобщая форма поверхностной коммуникации – это игра как способ свободного утверждения индивидами правил своей личной и социальной жизни. Таким образом, культура постмодерна является культурой целенаправленной игры самодостаточных индивидов;

4) «другой» не интересен и не нужен, однако он есть, и деваться от этого некуда. Неизбежная реальность «другого» в условиях поверхностных

коммуникаций меняет значение диалога. Он теряет смысл в качестве цели, но в нем возрастает его экзистенциальная сторона. Диалог становится простым сосуществованием с «другими» и имплицитной комплементацией ценностей индивидов, помимо осознания и рационального действия. Поэтому и *мир такой культуры есть обособленный мир, свободно осуществляющий творчество и интерпретацию как своего прошлого, так и своего будущего;*

5) в экзистенциальном диалоге происходит творчество людьми друг друга, а в рациональной коммуникации – противостояние индивидов. Конфликт экзистенциального и рационального неизбежно ведет к изменению типа рациональности посредством все тех же демонтажа и деконструкции сложившегося к XX веку европейского разума. *Демонтаж разума провоцирует всплеск мистицизма.*

На самом деле постмодерн – это временная граница, до которой способна дойти культура, исчерпавшая свой внутренний потенциал. Состояние постмодерна выступает периодом качественной трансформации и зарождением новой культуры. Перспективы будущего содержательно не прогнозируемы, потому что большинство социальных законов, характерных для прошлого, перестают работать, они попросту исчезают вместе с самим социальным организмом и его культурой. Общество рассыпается на самодостаточных и обособленных друг от друга субъектов. Будущее начинает зависеть от того, какой из субъектов сможет стать новым системообразующим фактором, кто придаст основной импульс дальнейшей эволюции и сумеет стать началом, объединяющим разрозненные атомы.

В содержании постмодерна всегда скрыты две тенденции: одна – деструктивная, переживающая распад как свое время, увлеченная игрой и игнорирующая свою сущностную бессмысленность. Она олицетворяет собой социальное небытие. Другая же – конструктивная, озабоченная поиском нового смысла и созиданием перспектив. Она, в случае удачи, оказывается «протоклассицизмом». Возможно, такую же роль сыграли досократики для

Античности или поздний эллинизм для Средневековья. Протоклассицизм, в свою очередь, формирует основания грядущих перспектив культуры.

В глазах постмодерна столица как центр притяжения земель или фокус культуры окончательно теряет значение и становится формальной претензией на руководство, оспариваемой всеми вокруг. Провинция теперь не просто самообусловлена, а культурно самодостаточна и равноправна со столицами. *Сегодня именно самодостаточность – главный признак провинциализма как качества мышления. Опирается же в своей самодостаточности не на что, кроме мистического опыта и формальных коммуникаций.*

* * *

Гуманитарный предмет многомерен уже потому, что его познание одновременно является его творчеством. Каждая методологическая позиция соучаствует в изображении всей культуры.

Гуманитарное исследование находится в контексте всех описанных выше четырех программ. Краткая характеристика провинциализма с этих точек зрения показывает, что он качественно меняет облик, в зависимости от того, с какой позиции его рассматривать.

В чем же заключается его необходимость? Думается, это наглядно показывает постмодернистская программа, частично возвращающая нас к первобытности, то есть к тем временам, когда общество в современном смысле слова, как цивилизация еще не сформировалось.

Как не сформировавшийся социум, так и рассыпающийся заставляют рассматривать любого субъекта самодостаточным. Индивид, институт, группа, семья, этнос, страна существуют, прежде всего, для них самих. *Культура добровольной изоляции, невосприимчивость к чужим ценностям, неспособность найти в самом себе силы для самораскрытия, именно они и обуславливают то мировосприятие, которое называют провинциализмом.* Но такое название оно получает не раньше, чем заявляет о себе противоположная ему, открытая культура комплементарности качественно разнородных субъектов.

Провинциализм может быть разным, в зависимости от того, кто его создает. Это просто человеческое мышление, определившее свое негативное отношение к чужой культуре. Провинциализм – это самодовольство, а не-провинциализм – это, пожалуй, недовольство собой.